

Наталья Солнцева

Свидание в Хэллоуин

Наталья Солнцева

Свидание в Хэллоуин

«АСТ»

2008

Солнцева Н. А.

Свидание в Хэллоуин / Н. А. Солнцева — «АСТ», 2008

ISBN 978-5-17-087396-8

Как нелегко смириться с предательством подруги и любимого! Хочется сбежать на край света, чтобы никто не сочувствовал и не жалел. Так и поступает Астра. Она уезжает в глухую деревню и устраивается там домработницей к пожилой даме. Но этот побег от реальности неожиданно втягивает молодую девушку в круговорот мистических событий, к которым она совершенно не готова. Маленький ключик – подарок хозяйки, оказывается ключом от тайны венецианского зеркала. А ночь в Хэллоуин становится не только ночью призраков и привидений, но и шагом в мир, который закрыт для обычных людей. И Астра вдруг понимает, что такая жизнь ей нравится... Ранее выходила под названием «Магия венецианского стекла».

ISBN 978-5-17-087396-8

© Солнцева Н. А., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Наталья Солнцева

Свидание в Хэллоуин

© Солнцева Н., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша

Наталья Солнцева

*Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.*

*...ей в приданое дано
было зеркальце одно.
Свойство зеркальце имело:
говорить оно умело.*

А. С. Пушкин

Глава 1

Судьба – дама капризная. Она то сгибает в бараний рог, то расточает улыбки и осыпает милостями, которых уже не ждешь. Трудно предсказать ее следующий шаг...

Осенняя ночь в Москве – не самое лучшее время и место для того, чтобы испытывать судьбу. Но люди пренебрегают вековыми традициями, превращают в забавы древние обычаи, искушают неведомые силы... с которыми шутки плохи.

Женщина беспокойно оглянулась, плотнее запахнула длинный плащ, под которым скрывался наряд *Офелии*, – будто она очень торопилась и вышла из театра, не переодевшись, прямо в сценическом костюме.

Она шла по улице, отворачиваясь от промозглого ветра, уже жалея о том, что приехала в Москву. Ночной город пугал ее пустотой переулков, гулким эхом в подземных переходах, холодными огнями и низко нависшим беззвездным небом.

Навстречу попала компания подвыпившей молодежи – развязные, разгоряченные спиртным парни и густо накрашенные девицы. Они громко, вызывая хохотали и отпускали непристойные шутки в адрес прохожих. *Офелия* проскользнула мимо, молясь, чтобы ее не заметили.

На улице появились *вампиры*, *русалки*, *лешие* и прочая *нечисть*. От их недвусмысленных заигрываний *Офелию* бросило в дрожь. Она хотела свернуть в проходной двор, но *вурдалаки* и *утопленницы* обступили ее со всех сторон.

– Давайте бросим ее в реку, – предложила иссиня-бледная девушка с распущенными волосами и черным ртом. – Водяной царь соскучился по свежатинке.

Цепкие руки схватили *Офелию*, сорвали с нее плащ. Она закричала... Из темноты вынырнула огромная черная птица... или ей померещилось со страху? У птицы был длинный загнутый клюв, но заговорила она человеческим голосом:

– Это моя добыча! Убирайтесь прочь!

Нечисть кинулась врассыпную, оставив полураздетую жертву на ледяном ветру.

– Как твое имя?

– *О-офелия*... – заикаясь, вымолвила женщина.

– Харрр... харрр... харрр... – Смех птицы напоминал раскатистое карканье. – Не бойся! Нельзя утопить того, кто уже мертв. Ты давно утонула, не правда ли? Принц Гамлет не стоил твоей любви... красавица! Пора сделать более достойный выбор. – Птица взмахнула крылом и... протянула женщине согнутую в локте руку. – Обопрись на меня, *ундина*. Нас ждет *гостеприимство благородной Головы*.

У *Офелии* зуб на зуб не попадал от страха и холода. Ночь *ужасов* обещала невероятные приключения и встречи. И не обманула.

Черная Птица увлекла *Офелию* за собой, в толпу *привидений* и *окровавленных мертвецов*. Мелькали пустые глазницы, черепа, скелеты, зияющие раны и высунутые языки. Женщина ахнула, когда лицом к лицу столкнулась с *повешенным*, у которого на шее была затянута веревка, а глаза вылезли из орбит...

– Хочешь поносить мой галстук? – отвратительно захохотал он. – Бери, не стесняйся!

Она отпрянула, но *повешенный* ловко снял с себя петлю и набросил на нее.

– Ты ведь за этим сюда пришла? Хэллоуин – праздник мертвых, девушка.

Черная Птица потянула ее в сторону, к лестнице, ведущей вниз...

– Куда мы идем? – испугалась она.

– В преисподнюю... на пиршество...

Спускаясь по бесчисленным ступеням, *Офелия* заметила, что омерзительная веревка все еще болтается у нее на шее...

– Это ночь пророчеств! – прокаркала Птица. – Не оглядывайся, когда спускаешься в потусторонний мир. Плохая примета. Харрр! Харрр! Харрр...

Москва. Год спустя

Теплая осень, не скупясь, осыпала Москву золотом. Дворники не успевали подметать тротуары. На клумбах отцветали хризантемы и астры; солнце садилось все раньше, и на город опускались свежие лиловые сумерки. По утрам воздух был прозрачным, как слеза, в его безветрии с тихим шелестом облетала с деревьев желтая и красная листва.

Госпожа Ельцова сидела на открытой веранде кафе, любуясь яркими красками сентября. Пахло мокрой землей и ягодами рябины, раздавленными ногами прохожих; со школьного двора тянуло дымком – там жгли листья и ветки. Костер плохо разгорался.

«Хорошо, что мне уже двадцать восемь и школьные годы остались далеко позади», – подумала молодая женщина.

Училась она старательно, только в выпускном классе разленилась, потеряла интерес к предметам, забросила учебники и со всем бесшабашным пылом юности предалась любви. Первый роман затянулся дольше, чем рассчитывали оба, и она и он – одноклассник Захар Иваницын по прозвищу Зах. Парнем он был видным, девчонки на него заглядывались и тайно вздыхали: это продолжалось до сих пор, но Зах ни на кого не обращал внимания. В нынешнем году Ельцова решила наконец выйти за него замуж.

В детстве она очень гордилась, что родители назвали ее Астри – словно осенний цветок. Хотя отец как-то объяснил: *астра* – по-гречески означает «звезда». Он смолodu увлекался астрономией, мечтал жить в горах, рядом с обсерваторией, наблюдать за звездным небом. Романтика прошла, как юношеская болезнь, Юрий Тимофеевич стал заниматься делом куда более прозаическим: страхованием имущества граждан. Он быстро поднимался по служебной лестнице, потом основал собственную компанию и пошел в гору. Параллельно Ельцов развивал посредническую деятельность, которая тоже приносила дивиденды. То ли ему везло, то ли он обладал недюжинным умом и вовремя ухитрялся делать нужные шаги, но его фирма «Юстина» процветала, а прибыли росли как на дрожжах. Семь лет назад Ельцовы переселились в роскошный загородный дом, мать Астры ушла с должности главного бухгалтера и посвятила себя домашнему хозяйству, а сама Астри, выучившись актерскому мастерству, не стала обивать пороги столичных театров – ей пришлось по душе праздное существование, обеспеченное деньгами отца. Она встречалась с Захом, их отношения давно стали интимными, но на заключении законного брака настаивал именно он.

Иваницын работал в «Юстине» главным менеджером, Юрий Тимофеевич был доволен будущим зятем и ничего не имел против свадьбы. Скорее наоборот.

– Вам следует пожениться и жить семьей, – говорил он дочери. – Ты уже не девочка, Ася, пора бы и ребеночком обзавестись. Вон мать от скуки изнывает – а так бы внука нянчила. Работать ты не хочешь, хотя бы хозяйством займись, детьми. Не то с ума сойдешь от безделья!

Астри согласилась с его доводами. Зах был красив, общителен, даже иногда остроумен – умел блеснуть в обществе удачной шуткой, со вкусом одевался и год за годом неустанно твердил Астре о своей любви. Она ему верила.

Астри по-прежнему дружила с Мариной Степновой, которая была ее соседкой по парте и наперсницей девичьих откровений. Лучшая подруга закончила медицинский и работала стоматологом в частной клинике. Вчера вечером она позвонила и пригласила Астру в кафе.

– Устроим «чай вдвоем». Я слышала, ты замуж выходишь за Иваницына?

– Этим должно было закончиться.

– Вас всегда считали женихом и невестой, – усмехнулась Марина.

На столик прямо перед Астрой упал желтый листок. Еще пара недель, и обманчиво ласковая осень начнет безжалостно срывать с деревьев роскошный наряд – сегодня ими можно любоваться, а завтра они будут голыми стоять под холодным дождем.

– Привет! – Марина, как всегда, выглядела великолепно: рыжие волосы модно подстрижены; лицо покрыто тональным кремом, скрывающим веснушки; стройная фигура обтянута брючным костюмом зеленого цвета, а длинный шарф более светлого оттенка удивительно идет к ее зеленым глазам. – Прости, опоздала!

– Как тебе удастся так потрясая одеваться? – вздохнула подруга. – И волосы у тебя лежат, как после укладки. Я вот хожу в элитный салон, а на голове черт знает что!

– Стараюсь. У меня ведь нет богатого папеньки, приходится крутиться на собственную зарплату.

Злая ирония в ее словах насторожила Астру – ни разу за эти годы она не замечала, чтобы Марина ей завидовала.

– Ты не в духе? Что-то случилось?

– Ну, да...

– Ой, Рыжая, давай, выкладывай! Может, я смогу помочь?

– Ты? Вообще-то... почему бы и нет? Конечно, можешь...

– Тебе деньги нужны?

– Понимаешь, подруга... я... ребенка жду.

Между ними со школьной скамьи не было секретов, и пораженная Астра ахнула. Как?! Маринка беременна, и ни разу не обмолвилась о том, что у нее появился мужчина? Кто он? Почему она его скрывает?

– А ты... не ошибаешься? Вдруг просто задержка?

Марина уверенно качнула головой:

– Я же медик! Уже двенадцать недель.

Астра невольно посмотрела на ее плоский живот – не похоже.

– Пока не видно, – объяснила Марина. – Зато постоянно тошнит, и рвота по утрам. Ужас!

Астра хотела спросить, кто же виновник столь радостного или печального события – это уж кто как воспринимает будущее материнство, – но вместо этого сказала совсем другое:

– Решила рожать или...

– Хотелось бы родить. Я уже два аборта сделала, после третьего детей может не быть вовсе. Так что... возможно, это мой последний шанс.

«Два аборта? – еще больше удивилась Астра. – От кого? Почему она молчала?»

– Понимаешь... – продолжала подруга. – Все от тебя зависит. Отдай мне Захара! Он тебя не любит. Ему нужны деньги твоего отца, фирма и... все такое. Мы с ним уже три года любовники! – выкрикнула она. – Он женится на тебе по рас-че-ту! Из-за денег, Аська! Ты же единственная дочь Ельцова, значит... все достанется тебе. То есть ему, Заху!

Слезы градом катились по щекам Марины, смывая краску и обнажая крупные веснушки на болезненно бледной коже.

Официантка в коротком накрахмаленном передничке посмотрела в их сторону.

Астра опешила – она не верила своим ушам. Маринка и Зах – любовники? Давно? Вот почему Рыжая тщательно хранила свой секрет! Они с Иваницыным... о боже!

– Рыжая... ты шутишь?

– Мне не до шуток! – приложила та руки к животу. – Если не веришь, спроси у Заха! Он отпираться не станет.

Астра поняла: подруга не лжет. Она ждет ребенка от Захара, а тот готовится к свадьбе... с другой. У Астры пересохло в горле – она, точно заведенная, придвинула к себе чашку с остывшим кофе, с трудом сделала глоток. Горько...

– Он знает о ребенке?

Марина подавленно кивнула.

– Да, я ему сказала... сразу после визита к гинекологу. Когда все сомнения отпали.

– И что?

– Он велел... идти делать аборт! А я не хочу.

– Правильно, – безучастно вымолвила Ельцова.

Ей казалось, они обе ломают комедию – фальшиво разыгрывают душещипательную сцену из театрального капустника, так противоестественно выглядели их лица и жесты, так плоско звучали реплики.

– Ваша свадьба отменяется? – Маринка судорожно вздохнула. – Зачем тебе муж, который изменяет еще до брака? Притом с твоей же подругой! Слу-ушай... я постоянно удивлялась, как он тебе в глаза смотрит?

Астра молчала. Любые выяснения отношений вдруг потеряли для нее всякий смысл. Ясно одно – Зах, ее жених, ее школьный друг, неизменный ухажер и ее первый мужчина, оказался лживым, расчетливым и хладнокровным мерзавцем. А как романтично все начиналось! Как он стоял вечерами под ее окнами, носил охапками цветы с окрестных клумб, читал вслух стихи! Каким робким был его первый поцелуй, как терпеливо он ждал ответных ласк и каким страстным он прикидывался в постели! Как им все завидовали! Видно, зависть людская – опасная штука. Она-то и сгубила их школьный роман.

– Эх, Маринка, Маринка... подружка моя задушевная! – с сердцем воскликнула Астра. – Хороша, ничего не скажешь! Ты ведь давно заглядывалась на Заха... исподтишка, мечтала отбить его у меня. Что ж, тебе это удалось. Ликуй!

– В любви – каждый за себя! – огрызнулась та.

Она была права, поэтому Астра не стала спорить, просто встала из-за стола и пошла прочь. Не прощаясь, не оглядываясь. «Любовь!» – думала она, ускоряя шаг. – Сплошное при-творство, притом бездарное. Пустая и глупая забава. Никогда больше не попадусь на эту наживку!»

Глава 2

Камышин.

Незадолго до описываемых событий

Иде Вильгельмовне Гримм не спалось – в такие утомительные ночи она, измучившись, садилась перед зеркалом в массивной бронзовой раме, зажигала свечу и долго всматривалась в помутневшую от времени амальгаму: из золотистой мглы на нее взидала хорошо сохранившаяся худошавая шатенка с проблесками седины в густых волосах, с глубоко запавшими глазами и орлиным носом. Ида Вильгельмовна называла свое отражение *Ади* – то же имя, только *наоборот*. Все в жизни имеет обратную сторону, скрытую от любопытных глаз. *Ади* существовала в мире зазеркалья и зачастую могла ответить на те вопросы, которые госпоже Гримм были не по зубам.

– Ну, что молчишь? – вопрошала своего зеркального двойника дама с орлиным профилем. – Долго нам еще ждать?

Зеркало досталось ей от матери, в замужестве баронессы Гримм, вместе с семейными драгоценностями, дорогой раритетной мебелью и саксонским фарфором. Еще семь лет назад Ида Вильгельмовна проживала в Германии, в маленьком чистеньком городке на берегу Эльбы, и не помышляла о переезде в Россию. Однако пришлось.

Она приобрела небольшой, но комфортабельный дом в Подмоскowie и поселилась в нем одна. От прежних хозяев к ней перешел сторож Тихон – молчаливый бородатый крепыш, который выполнял также обязанности дворника, занимался мелким ремонтом и прочими хозяйственными делами. Тихон проживал тут же, в летней кухне, домой в поселок уходил раз или два в месяц на сутки: проверить, все ли в порядке. Семьи у него не было, никакой живности тоже – собаку и ту отдал соседям, поэтому работа на госпожу Гримм составляла весь его интерес и единственный источник дохода.

Увы, стирку, стиранию и уборку комнат Тихону не поручишь, да и разговаривать с ним было не о чем, и потому вскоре у баронессы появилась компаньонка: собеседница, кухарка и горничная в одном лице. Молодую женщину звали Эльза. Возможно, госпоже Гримм понравилось ее имя, нетипичное для русских; возможно, сама девушка – высокогрудая, с тонкой талией и стройными ножками, голубоглазая, с красивым личиком, обрамленным светлыми волосами. Такое прелестное создание вполне могло появиться на свет в уважаемой немецкой семье. Удивительно, что Эльза увидела свет в захудалом поселке, затерянном среди елей и сосен, где зимой улицы тонули в снегу, а летом по дорогам бродили куры. Сады за некрашеными деревянными заборами заросли диким крыжовником и смородиной, яблоки и груши родились мелкие, кислые и твердые. Живописное озерцо, куда спускались огороды, обмелело, покрылось рясой; по его берегу зеленел камыш. Одинокие рыболовы скупали, забросив удочки с черных мостков, – не ожидая улова, а просто убивая время. Мужики, которые не уехали в райцентр или в столицу на заработки, беспробудно пили, дымили дешевыми сигаретами, часто и громко ругались, случались и драки. Постепенно спивались и женщины – на их одутловатые, синие лица было особенно страшно смотреть.

Какая-то строительная фирма взялась было возводить на окраине поселка коттеджи европейского типа, но вскоре благое начинание захлебнулось – то ли деньги кончились, то ли здешние места не приглянулись состоятельной публике. Дома покупали вяло, неохотно, и фирма ограничилась одним рядом строений, не проложив даже хорошей асфальтированной дороги от трассы до Озерной улицы. Вообще в поселке преобладали водно-растительные названия – переулки Садовый и Березовый; улица Заречная, хотя «река» представляла собой журчащий на дне оврага мутный ручей; улица Прудки, проезд Чистый Ключ. Странно...

Сам поселок назывался Камышин, железнодорожной станции здесь не было, только автобусное сообщение, разбитые дороги, весной и осенью повсюду непролазная грязь, зимой снежные заносы... Глушь глушью. Даже летом в Камышин почти не приезжали вездесущие дачники, не снимали у местных жителей комнат, не привозили на парное молоко и свежие ягоды бледных городских детей.

Ида Вильгельмовна неспроста выбрала сие тихое местечко: при ее образе жизни Камышин был идеальным вариантом. Тут малоллюдно, спокойно, сама она остается в тени, зато у нее все на виду.

Эльза напоминала ей благовоспитанную бургерскую дочку, хотя те и в талии пошире, и в работе проворней. Впрочем, последний недостаток поправим. Главное – девушка старается, из кожи вон лезет, дабы понравиться хозяйке. Баронесса легко угадала ее незатейливые мечты: если фрау Гримм будет ею довольна, то заберет белокурую горничную с собой в Германию. Глупышка! Совсем ничего не понимает.

Эльза не спрашивала, с какой целью эта немка приехала в Россию, сколько здесь пробудет и почему решила обосноваться именно в Камышине, – она побаивалась строгой и замкнутой хозяйки. От ее пронизывающего взгляда девушку пробирал озноб. С другой стороны, Ида Вильгельмовна была щедра, не придиралась по пустякам и терпеливо объясняла, что требуется от Эльзы. Когда компаньонка задерживалась допоздна, ей разрешалось ночевать в гостевой комнате. Постепенно девушка привыкла к баронессе, все реже отлучалась по своим делам и уже не представляла себе иной жизни.

– Не надоело батрачить на заграничную богачку? – возмущались знакомые и родня Эльзы. – Что она забыла в глухом Камышине? Не иначе как шпионка, или... наркодилерша! Эта твоя фрау или подпольно распространяет какую-нибудь отраву, или людьми торгует!

– Чего вы на нее взъелись? Она хоть в душу не лезет и платит исправно, – огрызалась девушка.

Ей самой не давал покоя вопрос, зачем баронесса из благополучной Германии прикатила в забытый богом поселок. Эльза украдкой пыталась следить за хозяйкой, но тщетно. Та, казалось, жила уединенно, никуда не выезжала; гости у нее появлялись крайне редко, в основном летом, и все – люди обеспеченные, на своих машинах. Они закрывались в кабинете Иды Вильгельмовны, вели долгие беседы, при этом говорили так тихо, что Эльза, как ни старалась, ничего не могла подслушать.

– Как тебе не противно быть прислугой? – не унимались доброжелатели. – Поезжай в Москву, поступай в институт, устраивай свою жизнь! Замуж там выйдешь: в столице-то женихи не чета нашим. Ты девка видная, пригожая, сразу парня себе найдешь. Это камышинские кавалеры через одного алкаши да бездельники, а в большом городе – большой выбор!

– На какие шиши ехать-то? Заработаю, тогда подумаю.

Перспектива переезда в Москву, учебы и выгодного замужества казалась расплывчатой. Не придется ли вместо этого стоять на рынке в любую погоду от темна до темна, торговать продуктами или шмотками, а потом, едва дыша от усталости, тащиться в снятую квартиру куда-нибудь в Митино или Братеево?

Что интересно, время, проводимое Эльзой у баронессы, не просто шло: летело стремительно. Годы мелькали, будто месяцы. Дождливими осенними вечерами Тихон растапливал в зале камин, и госпожа Гримм смотрела на огонь, неторопливо беседовала с Эльзой, а та ловила каждое слово. Эти беседы она заслужила прилежным трудом и покладистым, незлобивым характером. Баронесса сумела оценить положительные качества своей работницы и платила ей не только деньгами. Разговоры с ней у камина Эльза не променяла бы ни на что другое. Хозяйка разбудила в ней глубоко запрятанные, дремлющие до поры чувства, о которых молодая женщина и не подозревала. А может быть, госпожа Гримм заронила в ее душу искру

инного, нездешнего огня. Этот огонь, исподволь разгораясь, начал заполнять собой примитивный внутренний мир Эльзы, а затем и пожирать его.

– По-твоему, она настоящая баронесса? – донимала Эльзу младшая сестренка. – Или это все враки?

Но баронесса оказалась не вымышленной, а вполне реальной. Как-то раз, интуитивно уловив вопрос, который вертелся на языке компаньонки, Ида Вильгельмовна удовлетворила ее жгучее любопытство – рассказала немного о своей жизни. Ее мать была родом из обедневших дворян с немецкими корнями, до войны жила в Риге, перебивалась уроками русского и немецкого. Кстати, именно благодаря матери госпожа Гримм хорошо говорит по-русски – та словно знала, что дочери пригодится этот язык. Когда в Ригу вступили немецкие войска, мама познакомилась со своим будущим мужем – бароном Гриммом, он полюбил ее и увез в Германию, к родственникам. Там, в маленьком ухоженном поместье на берегу Эльбы, она родила ему дочь Иду. Семейство Гримм сочло брак с девицей сомнительного происхождения неравным и всячески препятствовало законному воссоединению любовников. Только после поражения Гитлера и разгрома Германии барон женился на своей избраннице, и они прожили душа в душу долгие годы. Вот такая романтическая история!

– Значит, ни братьев, ни сестер у вас нет? – робко поинтересовалась Эльза.

Баронесса отрицательно покачала головой.

– Я – единственная дочь.

Дабы избежать кривотолков, Ида Вильгельмовна намекнула, что в Россию ее привела жажда проникнуться духом предков, которые преданно служили российским самодержцам. В Камышине же она поселилась исключительно потому, что обожает тишину и покой, совершенно не выносит городской суеты, а загрязненный выхлопными газами и промышленными выбросами воздух вреден для ее здоровья.

Незаметно протекли шесть лет. На седьмой год что-то изменилось в атмосфере уютного дома баронессы – в воздухе витали то ли смутные тени прошлого, то ли тревога перед неизвестным грядущим. Хозяйка все больше молчала, как будто ожидая чего-то. Эльза стала чаще уединяться. Она то и дело отпрашивалась на день или два, уезжала на выходные и праздники, а отведенную ей комнату закрывала на ключ.

Обнаружив однажды запертую Эльзой дверь, госпожа Гримм была неприятно удивлена. Она подергала ручку, постояла, раздумывая, что бы сие могло означать, пожала плечами и тяжело вздохнула. Русская душа – потемки, и разгадать ее ох как непросто...

* * *

– О, черт! – выругался молодой человек приятной наружности, одетый в черную майку и спортивные штаны. Отлетевшая щепка чудом не угодила ему в глаз.

Он рубил дрова позади бревенчатого дома с верандой – собирался попариться в выстроенной год назад баньке. Сауна – это заморское развлечение, а для русского человека нет ничего лучше настоящего душистого пара. Плеснешь из ведра на раскаленные камни, аж сердце мрет! А венички березовые как пахнут! А квасок из дубовой бочки!

– Баньку топить будешь, Матвей? – спросил из-за забора соседский дед Прохор. Он мерз и кутался в телогрейку, осеннее солнце не грело старых костей. – Парная от всех хворей первейшее лекарство. Не то что городская ванна! Ляжешь в ее... чисто как в гроб. Спаси боже! У тебе спички есть?

Матвей подошел к забору, протянул деду зажигалку. Тот раскурил самокрутку, задымил, щурясь от удовольствия. Едкий дым резал глаза, но дед привык, пропитался табачными смолами, точно мумия, – желтый, высохший. Нынешним летом ему исполнилось девяносто два года, и он очень этим гордился.

– Не дождалась мене бабка твоя, Анфиса Петровна, – прохрипел дед. – Первая померла. Жаниться я на ей хотел, а она – ни в какую! Ты, говорить, не жаних – пень трухлявый. Хххе-е-е... ххххе-е-е-е... – сипло засмеялся он беззубым ртом.

Матвей любил подтрунивать над камышинским старожилом, но добродушно, без ехидства.

– Пара вы были бы – загляденье! – охотно поддакивал он. – Жаль, не довелось погулять на свадьбе! Невесту господь к себе призвал; остался ты, Прохор, неприкаянный, без женского глаза, аки сирота.

Так, перебрасываясь шутками-прибаутками, молодой мужик рубил дрова, а старый попыхивал вонючим самосадом. Сам собой разговор перешел на баронессу Гримм, которая стала в некотором роде камышинской достопримечательностью. О чем еще было судачить двум умудренным жизнью людям? Слух о поселившейся на Озерной улице немке и ее чудачествах успел распространиться среди местных жителей. Весомую лепту в подобную болтовню внес Тихон. Иногда он закахивал к одной бабенке – мастерице по изготовлению чистейшего самогона – пропустить рюмочку-другую, и во хмелю язык его развязывался до неприличия.

– А правда, что немецкая барыня свою прислугу до смерти замордовала? – выпустил кольцо дыма Прохор. – Замучила девку непосильной работой? Народ шепчет, она ее в погребе держала, на цепи, как собаку.

– Думаю, все не так мрачно.

– Куды ж она тогда подевалась? Сбегла, что ли?

Матвея мало интересовали поселковые сплетни, он поддерживал разговор только из вежливости. Все-таки Прохор – сосед, и когда Матвей долго отсутствовал, старик приглядывал за домом. С тех пор как умерла бабушка Анфиса, некому даже печку растопить зимой, а дом без тепла сыреет, стены покрываются плесенью... жалко. Сюда Матвей приезжал в отпуск или на недельку-другую, отдохнуть. Камышин привлекал его тем, что лежал в стороне от железной дороги и хорошего шоссе, и дачников здесь было мало. Выйдешь в лес или в поле – простор, благодать... будто и не существует на свете ни фабрик и заводов, ни супермаркетов, ни финансовых корпораций, ни запруженных транспортом проспектов, ни ночных клубов, ни казино, ни людской толчеи. Только нагретые солнцем травы, шум сосен, голоса птиц, стрекозы в прозрачном воздухе и высокое, чистое небо.

– Ты часом не оглох, парень? – возмутился дед.

– Я слушаю, слушаю...

Матвей жил в Москве, а в бабкин дом наведывался, когда выдавалось свободное время. Его волновали совсем иные проблемы, чем какая-то прислуга камышинской немки. Людей хлебом не корми – дай перемыть кости ближнему.

– Немка... энту... прибиральницу извела, – гундосил Прохор. – Теперя другую ищеть.

– Во-он что! Извела, значит... А ты в щелку подсматривал, да?

Старик глубоко затянулся и надолго закашлялся. Крепкий самосад с натугой выходил из легких. Давняя привычка курить входила в «здоровый образ жизни» Прохора, но в последнее время старика мучил кашель.

– Кто ж мене туды пустить? – прослезившись, вымолвил он. – Бабка Матрена сказывала, будто Тихон по пьяни проболтался...

– После Матрениного самогона черта лысого увидишь, не то что девку на цепи. Да и сама Матрена выпить не промах! Вдвоем сочинили страшную историю, а ты уши развесил.

– Верно, – захихикал Прохор. – Может, и врать вражья баба... только в хлебной лавке толкують, что никто из нашенских к немке в услужение не пойдет! Боятся. Я вчера сам слышал...

Уже наслаждаясь в бане травяным паром и похлопывая себя березовым веничком, Матвей улыбнулся азарту соседа – за девяносто перевалило, а старик еще живо интересуется местными сплетнями.

Напарившись, молодой человек вышел в предбанник, хлебнул кваску, растянулся на деревянной лавке и закрыл глаза. Из головы, как ни странно, не шел разговор с Прохором. Вот пустобрех! Сумел-таки заронить искорку любопытства в равнодушный ум Матвея. Если даже он не остался беспристрастным к болтовне о камышинской немке и ее компаньонке, то что уж говорить об обывателях. Какие в поселке развлечения? А тут хоть душу отвести можно!

Господин Карелин был вполне обеспеченным человеком, ему хватало средств на жизнь, которую он вел: без излишеств, без стремления пустить пыль в глаза окружающим, без завистливой тоски по дорогой иномарке или загородному дворцу. Его устраивала просторная городская квартира на Покровке, интересная работа и увлечение, которое привил ему отец, – возня с «трудными» подростками. Матвей любил наставлять на путь истинный пацанов в возрасте от двенадцати до семнадцати лет, причем делал это ненавязчиво, в виде игры: собирал небольшую группу ребят и учил их выживать в экстремальных условиях – без спичек добывать огонь; ориентироваться на местности по солнцу и звездам; отыскивать воду и делать ее пригодной для питья; сооружать из подручных средств укрытие; спрыгивать с высоты, оставаясь невредимым; оказывать первую помощь пострадавшим; защищать себя в уличной драке... и прочим премудростям. Бывший военно-спортивный клуб «Вымпел» охотно предоставлял ему помещение для занятий за чисто символическую плату, и некоторые воспитанники клуба присоединялись к группе Матвея, составив со временем надежный и отлично обученный костяк. Взрослея, парни исполняли обязанности инструкторов и помощников в длительных пеших походах, вылазках в горы или речных путешествиях на плотах и катамаранах.

По образованию Матвей, как и его отец, был не педагогом, а инженером, поэтому не применял «школьных», менторских способов воздействия на ребят, легко находя с ними общий язык.

Отправившись на заслуженный отдых, старший Карелин без сожалений расстался с Москвой и подался с супругой в Краснодарский край, где покойный тесть оставил зятю и дочери ухоженный домик, окруженный большим плодоносным садом, виноградник и лохматого пса Кудлая.

Матвей любил родителей, но, когда они уехали, не заскучал: отец сумел закалить его характер, приучил к самостоятельности в решениях и поступках. К тому же пришлось взять на себя всю организационную работу в частном конструкторском бюро «Карелин», которое теперь перешло к нему, поддерживать хорошую репутацию и не только не растерять постоянных клиентов, а и привлечь новых.

– Теперь ты сможешь жениться и привести в дом хозяйку, – сказала мать, целуя сына перед отходом поезда. – Пора обзавестись семьей. Кто-то же должен тебе готовить, гладить рубашки!

Она ни слова не промолвила о любви. Какая любовь? Люди сходятся, чтобы заботиться друг о друге: вдвоем легче выстоять в жизненных бурях.

– Конечно...

Матвей не хотел спорить – пусть едут со спокойной душой, – но поддакивал только для вида. На самом деле он не хотел связывать себя брачными узами, вряд ли найдется женщина, которая будет отвечать его требованиям. Да и насчет себя он не обольщался. Такой мужчина – не подарок.

Почему он вспомнил о родителях, лежа в предбаннике и вдыхая теплый дух хорошо прогретых бревен? Сама собой пришла другая мысль – о компаньонке камышинской немки. Сдается, он еще услышит о ней...

Глава 3

Москва

Захар Иваницын был вне себя от ярости. Его красивое лицо перекосилось, классически ровный нос покраснел, глаза метали молнии.

– И что, ты вот так ей и заявила? Я, дескать, жду ребенка от твоего будущего мужа?

– Ну, да... Захушка... ведь это же правда! – взмолилась Марина.

– Не смей меня называть этим... собачьим прозвищем! *Захушка!* – зло передразнил он. – Кто тебя тянул за твой поганный язык? Тупица безмозглая!

– Но... что же мне было делать? На аборт я больше не пойду!

– Решила рожать? Пожалуйста! Никто не запрещает! Я не отказываюсь помогать деньгами, но жениться на тебе я не обещал. У меня есть невеста, и ты это прекрасно знаешь. Всегда знала! Астри – твоя подруга, да и я не скрывал своих намерений!

– Выходит, нас с тобой связывает только постель? – взвизгнула Марина. – Сексом заниматься ты бежишь ко мне, а под венец ведешь Астру? Она тебя не возбуждает, или ты так боишься Ельцова, что делаешься импотентом при одном взгляде на его дочь?!

– Замолчи... – сжав зубы, прошипел Иваницын.

– Обзаведешься законной супругой и будешь продолжать бегать ко мне?! Ну уж нет!

– Я дам тебе денег... много, – угрюмо сказал он. – Сколько попросишь.

– Думаешь, я нуждаюсь в твоих подачках? – взвилась она. – Хочешь откупиться от меня и ребенка?

– Дура! Не ори! Соседи услышат...

– Беги к ней, проси прощения, валяйся в ногах! Может быть, она и закроет глаза на твои похождения, но господин Ельцов – никогда! Он тебя в порошок сотрет. В лучшем случае окажешься на улице, в худшем...

– Ты заткнешься или нет? – Он вскочил, замахнулся на нее. Ни дать ни взять, сиятельный бог Аполлон в благородном гневе. – А то я за себя не ручаюсь!

– Давай, ударь меня, – расплакалась Марина. – Отличный материал для желтой прессы! Великосветский жених избивает перед свадьбой свою беременную любовницу. Твой босс задохнется от восторга! Ну, что же ты? Бей! Я покажу Астре наставленные тобой синяки, и она...

Иваницын усилием воли сдержался, спрятал руки в карманы, чтобы не поддаться искушению врезать ей как следует.

– Хватит ломать комедию! – уничижительным тоном произнес он. – Чего ты добиваешься? Женить меня на себе? Не получится... Зря ты все это затеяла.

Марина давилась слезами, а он смотрел на нее с откровенным презрением, раскачиваясь с носка на пятку. Что она возомнила? Решила расстроить его свадьбу с дочерью Ельцова? Он, можно сказать, шел к этому год за годом, начиная со школьной скамьи. Тогда он действительно влюбился в Астру, по-мальчишечьи увлекся ею. Потом повзрослел, но продолжал встречаться с ней, сам не понимая, почему его тянет к этой экстравагантной, взбалмошной девахе. Потом ее отец пошел в гору, взял Захара к себе на фирму менеджером... и понеслась птица-тройка! Теперь от отношений с Астрой напрямую зависела его карьера, его благосостояние, его будущее, наконец. И он исправно играл роль пылкого влюбленного! Надо заметить, что это было непросто. Астри не из тех, кто вешается парням на шею, даже таким красавчикам, как Иваницын. Сколько усилий он приложил, чтобы уговорить ее выйти за него замуж... а эта рыжая дрянь все испортила! Угораздило же его спутаться с подругой Астры!

– Ты все испортила! – выдохнул он. – Мне следовало раньше от тебя отделаться!

Марина испугалась. Она не ожидала такого возмущения, такой неприкрытой злости. Да, Зах не стеснялся при ней звонить Астре, рассыпаться в комплиментах и любезностях, открыто обсуждал грядущую свадьбу и совместную жизнь с женой. Но Марина, видя и слыша все это, словно ослепла и оглохла: она придумала тысячу и одно объяснение поведению возлюбленного. Он, дескать, вынужден притворяться – из-за работы, чтобы не разрушить теплые, почти родственные взаимоотношения с боссом, который обращался с ним как с будущим зятем. А к Астре Захар давно охладел! Ничего в ней нет особенного, кроме денег ее папика. Недаром ведь жених искал интимных встреч на стороне? Значит, о любви между ним и Астрой речь не идет. В школе они были неразлучны, но годы сделали свое дело, превратив трепет и новизну первого чувства в привычку, в повседневную рутину.

Ни для кого не секрет, что самый страшный враг любви – скука! Она излечивает глубочайшие раны, нанесенные стрелами Купидона, и тушит даже кипучую африканскую страсть. Все приедается – и любовные ласки, и пылкие признания, и букеты цветов, и подарки, и романтические вечера вдвоем. Где кислород, способный разжечь угли остывающего костра? Вероятно, существует некий секрет, известный лишь избранным, но Захар явно не входил в их число.

Он обожал разнообразие, и Марина была далеко не единственной его утехой. Грех не использовать завидную внешность, данную ему богом, когда повсюду открывается столько возможностей. Глупо отказываться от удовольствий, ведь человеческий век так короток, там мимолетен! Не успеешь оглянуться, как станешь седым, больным и немощным, а то и вовсе сыграешь в ящик. Тогда уж никакая цветущая женская красота, никакие соблазны не пробудят к жизни безнадежно утраченное *либидо*.

Женившись на Астре, господин Иваницын не собирался менять свои принципы – он позаботится, чтобы и жена была довольна, и он не оказался внакладе.

– Не в добрый час ты мне подвернулась! – с затаенной угрозой сказал он, глядя на плачущую любовницу. – Всё кружила, как стервятник, выжидала минуту моей слабости... и дождалась! Надо же было так вляпаться? Пустить в свою постель подругу собственной невесты?! Лихо ты меня окрутила, медовенькая! И ребеночка сварганила... как последний аргумент в споре за жениха. Так вот же тебе! – Он скрутил дулю, злорадно ухмыляясь, сунул под нос Марине. – На-кась, выкуси! Бес меня попутал, с беса и спрашивай.

Оглушительно хлопнув дверью, он вышел, оставив любовницу заливаться безутешными слезами. Ишь, чего надумала! Рассказала все Астре и ребенка приплела! Стерва. Ну, ничего... Астра простит. «Я слишком хорош, чтобы женщина добровольно отказалась от такой блестящей партии, – самоуверенно подумал Иваницын. – Конечно, придется унижаться, на коленях вымаливать у будущей супруги прощения, клясться в вечной любви и даже, быть может, какое-то время вести целомудренный образ жизни. Что ж, счастливое будущее требует жертв!»

Перед ним вдруг явственно встало лицо Марины в слезах, без тонального крема и пудры – все в крупных рыжих веснушках, словно побитое оспой; ее бесцветные короткие реснички, белесые бровки, потеки туши под глазами. И как она могла привлечь его?

На улице он сел в машину, застонал от досады, в который уже раз набрал номер сначала мобильного, потом домашнего телефона Астры. Ответила ее мать.

– Астра уехала, – растерянным голосом сообщила она. – Ты же знаешь ее характер, Захар! Если ей что взбредет в голову – не остановишь. Вы поссорились?

– Нет. Я... не понимаю! Как... уехала? Куда?

Видимо, Астра пока ничего не говорила родителям. Слава богу! Он убедительно разыграл недоумение, огорчение. Будущая теща поверила, она была обеспокоена.

– Сказала, к двоюродной сестре, в Богучаны. Хочет до свадьбы пожить в уединении, подумать.

– Богучаны? Где это?

– Ой, Захарушка, понятия не имею! Эта родственница год назад объявилась, прислала нам письмо. Юрию Тимофеевичу было недосуг читать, он отдал письмо Астре; и она, кажется, ответила. В общем, я не помню.

– А адрес?

– Я не нашла.

Будущая теща, оказывается, перерыла все ящики письменного стола дочери, все тумбочки и записные книжки. Тщетно. Астра позаботилась, чтобы ее не беспокоили понапрасну.

– Ну, хоть примерно... где находятся эти Богучаны?

– Я уже спрашивала мужа, он с трудом припомнил, что на конверте было написано: Красноярский край. Но он не уверен.

«Красноярский край!» – мысленно присвистнул жених. – Вот это да! Невестушке явно вожжа под хвост попала, раз ее в такую даль понесло. Девушка избалована до крайности, своевольна и строптива. Твоя задача усложняется, Захар, – сказал он себе. – Астра показывает коготки. А у нее есть еще и острые зубки!»

– Найди ее, Захар! – всхлинула Ельцова. – Я места себе не нахожу! Вернулась вчера из косметического салона, а ее и след простыл. На столе записка: «Поехала к Лене Бровкиной на именины, останусь у нее ночевать». Мы с Юрочкой поверили, легли спать... только я до утра глаз не сомкнула. Материнское сердце не обманешь! Чувствую, что-то случилось. Утром звоню к Бровкиным, а они ни сном, ни духом. Какие именины? Не было вашей Астры, не приезжала! У меня сразу давление подпрыгнуло, я таблеток наглоталась, давай Юрочке звонить. Он пытался Астру найти по сотовому. Куда там! Она телефон или отключила, или решила не отвечать. Потом уж к обеду сжалилась над нами, позвонила, сказала, что устала от Москвы и побудет пока в Богучанах: хочет провести какое-то время в полном одиночестве и ни с кем ни видиться, ни говорить не станет.

– Не волнуйтесь, я попробую с ней связаться, – абсолютно не представляя, как это сделать, заявил Иваницын.

Непредсказуемое поведение Астры по-настоящему взбесило его. Он был готов к тому, что она пожалуется отцу, к ее обвинениям, истерике, утомительному выяснению отношений, разрыву, который придется улаживать, скандалу. Даже мог бы стерпеть несколько пощечин. Как-никак заслужил! Но что она вдруг сорвется, уедет из дома, из Москвы, не поставив его в известность, никому ничего толком не объясняя... такого взбрыка он не ожидал.

Кипя от негодования, он остановился у магазина учебной литературы, купил географический атлас, и, проклиная собственную оплошность и паршивый язык Марины, который не держался за зубами, принялся искать Богучаны.

Маленький городишко или поселок на Ангаре – подумать только! Не ехать же к черту на кулички, в самом деле?

Господин Иваницын плохо разбирался в географии, еще хуже у него обстояло с длительными путешествиями по неизведанным просторам родины. Он любил комфорт – ванну, горячий душ, чистую постель, вкусную пищу, кондиционированный воздух, унитаз, наконец. Перспектива пуститься в путь на перекладных, останавливаться в грязных провинциальных гостиницах, мыться холодной водой, питаться в антисанитарных условиях, травить себя консервами и супами быстрого приготовления вызвала у него дрожь и зуд во всем теле. Бр-рр-рр! Увольте! Он не прочь жениться на Астре, но не ценой таких лишений. Кстати, где гарантия, что она действительно отправилась в эти самые Богучаны? Вдруг невестушка придумала уловку с поездкой к двоюродной сестре исключительно с целью запутать следы? Хорош он будет, явившись за тридевять земель за беглянкой-суженой, которую там в глаза не видели! Вот уж посмеются над ним будущие родственнички, просто животы надорвут!

Звонок босса прервал его напряженный мыслительный процесс. Ельцов был на взводе – надо полагать, из-за выходки любимой дочери.

– Ты уже в курсе? – прорычал он в трубку так, что у будущего зятя зазвенело в ушах. – Куда ты смотрел, парень? Почему от тебя сбежала невеста?

– Астра... такая своеобразная, – пролепетал Зах, покрываясь потом. – Она любит всех удивлять. Она...

– Чуть собачья! – гремел Ельцов. – Между вами что-то произошло!

– Клянусь... ничего. Я теряюсь в догадках...

– Ну, да, не иначе как *колдун Черномор красавицу умыкнул чуть ли не из-за свадебного стола!* В общем, так! – говорил, будто гвозди забивал, Юрий Тимофеевич. – Мне шум поднимать не с руки. Не хватало только, чтобы по Москве сплетни поползли. Ищи свою *Людмилу, бестолковый Руслан!* Не дай бог с ней что-нибудь случится. Ответишь головой.

Он закончил фразу почти шепотом, но от его слов у Захара мороз пошел по коже. Поездка в Богучаны уже не казалась ему самым страшным, что может произойти.

* * *

Память снова услужливо предоставила картину народного гулянья, смутную, виденную то ли в детстве, то ли в другой жизни, – Масленица... или Святки. Повсюду еще лежит снег, морозно, идет пар от дыхания людей, от подносов с горячими пирогами, от блюд с горками блинов, от огромных пузатых самоваров с начищенными боками, в которых отражается зимнее солнце. Пар валит из лошадиных ноздрей, застывает, серебрится вокруг них инеем. Лошади запряжены в сани по-праздничному: с колокольцами, с бумажными цветами, с лентами. В санях уже валяются пьяные, которым невозможно держаться на ногах.

Площадь кишит народом, ряжеными, продавцами блинов и сбитня. Посреди площади вкопан столб с привязанными сверху призами – кто залезет по гладкой поверхности, сможет достать пару хороших сапог или выделанную шкурку лисы. Крепкий парень, сбросив тулуп, уже карабкается по столбу под улюлюканье, свист и одобрительные крики толпы. В воздухе пахнет медовым отваром, сдобой, дымом костров; слышен женский хохот, пьяная ругань, бойкие крики зазывал...

На Масленицу, кажется, сжигают чучело – безобразное, из грубой соломы, с отвратительной ухмылкой на ярко раскрашенном «лице». А здесь чучела не видно. Зато краснощекие девки в расшитых передниках, повязанных поверх полушубков, наливают всем желающим чай, подают блины, обильно политые маслом, принимают монеты и смятые бумажные деньги, улыбаются во все белые зубы...

Напитки покрепче разливают и пьют незаметно. Почти всем хмель уже ударил в голову, но мужики будут продолжать пить до темноты, пока самые рьяные поклонники Бахуса не свалятся где придется. Хорошо, если не замерзнут в высоченных сугробах. Забияки сойдутся в кулачных боях, пустят кровь... обагрят белый снег и разбредутся, довольные, кто куда.

Никому, скорее всего, не приходит на ум скрытый сакральный смысл подобных празднеств, их предвечная суть. Все забыли, что круглая форма блинов символизирует солнце и что на подобных гуляньях в людях пробуждается зов древних языческих богов, которым надоело прозябать в забвении и которые еще не сказали своего последнего слова в сей земной потехе.

Ряженые зверствуют. Вывернутые мехом наружу тулупы, на головах красуются козлиные рога, медвежьи и волчьи морды с оскаленной пастью – страшно, противно глянуть. Они пристают к молодым девушкам, отпускают грязные, непристойные шутки, гогочут. Толпа вторит им восторженным ревом. Добровольные помощники охотно выволакивают приглянувшихся ряженым молодок, принуждают выполнять все требования разнузданных, разгоряченных обильными возлияниями мужиков. Ряженые на время становятся представителями «иного», потустороннего мира, наступающего на «этот», привычный и повседневный. Они входят с ним в контакт, воздействуют на него, сливаются с ним, проникают в него... и не

терпят сопротивления. На это существует согласие обеих сторон, иначе откуда взялась бы ликующая толпа, охотно исполняющая «священную» волю ряженных?

Начинается ритуал «воскрешения покойника». Ряженные заставляют девушку поцеловать «мертвеца», да так горячо и страстно, чтобы тот «ожил». Она упирается, ей противно, отчего-то страшно и стыдно. Толпа недовольно ропщет, готовая безжалостно наказывать непокорную. Двое парней срывают с девушки платок, распахивают на ней короткий полушубок из овчины, грубо лезут руками за пазуху, щупают грудь, задирают подол, дескать, не подчинилась – хуже будет. Они силой, хватая ее за плечи, наклоняют к распростертому на санях «покойнику», заставляют прижаться лицом к его лицу... губами к губам...

Девушка, дрожа от отвращения и ужаса, ощущает лицом горячие, липкие губы лежащего, исходящий от него запах водки и пота. У нее меркнет в глазах; «покойник» держит ее за шею, не отпускает. Она рванулась, и если бы ее рот был свободен, закричала бы. Удовлетворившись, «мертвец» привстал, и толпа, словно единый организм, испустила восторженный, восхищенный вздох. Девушка упала без памяти на руки подруг, ее увлекли внутрь толпы, и она растворилась в ее многоликости.

Столь же грубые и жестокие игрища продолжаются, сопровождаемые хохотом, скабрезными частушками, прибаутками и откровенным насилием. Ряженные вызывают неподдельный страх – подчиняться им противно и стыдно, но отказаться от участия в предлагаемых «развлечениях» не смеет никто. Толпа долго не расходится. Над ней витают пары алкоголя и сексуального возбуждения.

Может быть, языческие боги питаются сексуальной энергией?

Прекрасная и жестокая египетская Хатхор – богиня любви и экстатического опьянения – одновременно покровительствует смерти. У нее много лиц. Хмельной дурман превращает яростную львицу Сахмэ то в грациозную кошку Бастет, то в «сладостную золотую» Хатхор – воплощение женственности и изысканной эротики.

Во время праздника богини-кошки египтяне выпивали много виноградного вина и пива, а потом отправлялись в плаванье по Нилу. Мужчины и женщины садились на пышно изукрашенную барку; звенели сistrы – любимые музыкальные инструменты Хатхор, а почитатели богини позволяли себе непристойные высказывания и жесты в адрес всех, кого встречали на своем пути. Они глумились над жителями других городов, где причаливала барка, недвусмысленно высказывались и даже – стыдно признаться – задирали подолы и обнажали некоторые части тела...

Обычаи разных времен и народов бывают в чем-то такими схожими!

Глава 4

Астра чувствовала себя странником, бредущим куда глаза глядят. Никогда раньше ей не хотелось покинуть свой дом, отстраниться от близких. Что-то надломилось в ее душе... или просто наступил час перемен. Еще пару дней назад она готовилась к свадьбе, строила планы, составляла список гостей. А сегодня сама мысль о женихе и предстоящем замужестве стала невыносима. Ей вдруг опостылело все вокруг!

Астра пересчитала по пальцам годы, отданные учебе, встречам с Захом, скучным и бессмысленным вечеринкам, каким-то совершенно ненужным, пустым и пошлым разговорам, посещениям модных кафе и клубов, элитных салонов и выставок, где нудные снобы состязались в высокомерии, – и ужаснулась. Она с детства мечтала заниматься интересным делом, которое бы захватило ее целиком, а вместо этого постигала актерское мастерство ради того, чтобы угодить матери и при случае блеснуть в обществе: «Я – актриса!»

Актриса, не сыгравшая ни одной роли. На самом деле она и не собиралась работать в театре или сниматься в кино. Быть знаменитой артисткой хотела в молодости ее мать – несколько раз пыталась поступить в ГИТИС, отчаялась и пошла в Плехановский. Наверное, она подсознательно стремилась увидеть в театральной карьере дочери осуществление своих амбиций. Так часто бывает.

– Папа мог бы устроить тебя в какую-нибудь престижную студию, – время от времени предлагала она Астре. – У тебя потрясающая профессия! Почему ты боишься сцены? Давай обратимся к хорошему психологу.

– По-твоему, я ненормальная? Все люди, которые не бредят театром, – просто больные. Да?

Мама бледнела, отводила глаза. Конечно же, нет! Она не считала дочку умственно неполноценной, разве что в некоторые моменты. Упрямство Астры ставило ее в тупик.

– Тогда попробуй себя в бизнесе. Папа может взять тебя...

– Не надо меня куда *брать*! – вспыхивала та. – Я не чемодан и не сумка! Я не собака на поводке! Бизнес меня не интересует.

– Что же тебе интересно? Сидеть сложа руки?

Родители боялись, что от безделья девочку потянет к алкоголю или наркотикам – печальных примеров среди знакомых семей было хоть отбавляй.

– Это лучше, чем твоя бухгалтерия! – не оставалась в долгу Астра. – Ненавидеть работу, которую делаешь изо дня в день, – настоящая пытка! Не хочу мучиться, как ты.

Мама отступала, но спустя месяц-другой возвращалась к животрепещущей теме. Отец молча наблюдал за их поединком. Чья возьмет?

Астра оправдывала свою бездеятельность тем, что *ищет себя*. Она, мол, не пойдет на поводу у обстоятельств и общепринятых правил игры. Разве нет альтернативы отлаженному, обкатанному поколениями механизму «устройства жизни»? Неужели нельзя придумать ничего нового?

– Давай, дерзай, – усмехался отец. – Изобретай нечто исключительное. Мы же не против.

Астра не решалась отказаться от родительских денег, привычных удобств, благ, которыми она пользовалась. Уехать? А куда? Зачем? Везде все одно и то же.

Предстоящее замужество должно было всколыхнуть ее застоявшееся существование, хоть немного встряхнуть. У нее появится собственное отдельное жилье, хозяйство, муж, возможно, в будущем, дети. Астра размышляла об этом без воодушевления. И вот «заманчивая» перспектива рухнула, рассыпалась, как карточный домик. Все му виною – лживый возлюбленный и коварная подружка! Даже любовь и дружба оказались насквозь фальшивыми в этом

фальшивом мире. «А что же здесь *настоящее*? – спрашивала она себя и не находила ответа. – Как отличить *подлинное* от искусной подделки?»

В глубине души Астра понимала: неискренность двух, как она полагала, самых близких ей людей послужила толчком, который заставил ее пробудиться, очнуться от долгого мутного сна и начать действовать. Она не знала, куда двигаться, но уже не могла оставаться на месте. Что бы ни ждало ее впереди, к прежнему возврата не будет.

Уходя из дому, Астра взяла самое необходимое – паспорт, кое-какие вещи и немного денег. Они быстро закончатся, и поневоле придется искать работу. Вот и славно! Пусть сама судьба распорядится, что делать: подметать улицы или нянчить чужих детей. Ни первое, ни второе Астру не пугало – ее вдруг охватила странная решимость. Уж если пускаться в вольное плавание, так подальше от родных берегов, туда, где ее никто не знает.

Она приняла меры, чтобы успокоить родителей и обмануть Иваницына. Нет сомнений: он бросится ее искать, разыграет горькое раскаяние, будет молить о прощении и проклинать Марину на чем свет стоит.

Астра захихикала, представляя, какой скандал Зах устроит незадачливой любовнице. Бедняжка Рыжая! Теперь она вряд ли сумеет снова заманить его к себе в постель – Зах станет обходить ее стороной. Он осторожен, как старый лис, когда дело касается его благополучия. Зачем ему врач-стоматолог, когда он собирается взять в жены наследницу капитала господина Ельцова? Единственную наследницу! Ай, как он сейчас воет от досады, кусает себе локти и рвет волосы на голове! Так промахнуться! Из-за какой-то веснушчатой худышки потерять кусок пирога, вкус которого он уже чувствовал на своих развратных губах. «Золотой телец» ускользнул от красавчика Заха, и он не пожалеет сил, чтобы догнать его и вернуть. Пусть попробует...

Астра шла по желтой от падающей листвы аллее, вдыхая горький и пряный запах осени. Моросил дождик, прохожие открывали разноцветные зонтики. Маленький мальчик неуклюже шагал рядом с матерью, держа в руке букет кленовых листьев. Поравнявшись с Астрой, он поднял голову и пристально, слишком серьезно для ребенка посмотрел ей в лицо.

– Тетя плачет, – картавя, заявил он.

Разве? Астра провела рукой под глазами. Это не слезы... просто осенний дождь.

Она свернула к первой попавшейся остановке и, не глядя, села в раскрывший двери троллейбус. Какая разница, куда ехать? Люди в салоне казались ей театральной массовкой. Будто кто-то нарочно одел их в подходящие случаю костюмы и велел вести себя определенным образом. Реплики, звуки, жесты – все заранее отрепетировано, согласовано. Астра наблюдала за ними, как зритель, купивший билет на спектакль. Спустя некоторое время она вышла.

Все происходило не с ней – с кем-то другим, такой же внешности, с такой же походкой, как у Астры Ельцовой, в ее брюках и куртке, с ее сумкой через плечо. Она не замечала падающих с неба капель, не думала, куда направляется, и почти ничего не видела. Не слезы застилали ей глаза – бьющие в лицо небесные брызги.

Дождь усилился. Ища укрытия, она забрела под навес и не сразу сообразила, что ноги сами принесли ее на вокзал. Группы людей беспорядочно передвигались; она пристроилась к пожилому человеку деревенской наружности, в сапогах, в потертом пальто, в засаленной фуражке с пуговкой, – именно потому, что раньше постаралась бы держаться от него подальше. Теперь у нее все другое: пристрастия, симпатии, привычки.

Старик не обращал на нее внимания – он торопился на поезд. Астра старалась не отставать. Успеть сесть в тот же вагон, что и дед в фуражке, стало вдруг для нее очень важно. Ей пришлось ускорить шаг и даже поработать локтями. Только плюхнувшись на твердое сиденье электрички напротив старика, она перевела дух. Решила: «Выйду на той же станции, что и он». Это судьба послала ей *знак*, словно кто-то невидимый произнес: «Иди за ним!» И Астра пошла.

По какой причине ее взгляд упал именно на этого человека? Ведь ничего случайного на самом деле не происходит...

Камышин

Матвей приезжал в Камышин, чтобы побыть в *другом измерении* – так он называл жизнь вольную, близкую к природе, не обремененную мыслями о бизнесе, о деньгах, о завтрашнем дне, неторопливую, размеренную. Его порой так тянуло в дом бабушки Анфисы, к печке, в которой трещат душистые поленья, к столу, уставленному простой деревенской едой, что он бросал все, садился в машину... и успокаивался, только открывая калитку в заросший шиповником и малиной двор.

Здесьняя осень была особенно хороша. Сады пожелтели и поредели, в них стоял крепкий дух палой листвы, зимних яблок и костров. Матвею нравилось допоздна сидеть на пороге, смотреть на лунный свет, на тень старой яблони на стене дома, слушать, как где-то на соседней улице играет гармонь, рассыпаясь в прохладной тишине вечера, и предвкушать крепкий здоровый сон.

Иногда заглядывал на огонек Прохор. В чисто прибранной, уютной кухне с большой, расписанной синими цветами печью, с голубенькими ситцевыми занавесками на окнах он чувствовал себя как дома.

– Уж больно ты правильный! – хрипел дед, угощаясь чаем с душицей. – Не куришь, самогонку не уважаешь. Бабы у тебя нету. Почему бобылем ходишь, скажи?

– Не нагулялся еще, – отшучивался Матвей.

– Дак... умному мужику жана в энтот не помеха. Гуляй себе, сколь душа просить! А дом без хозяйки чахнет. Опять же стряпать кто-то должбн, портки стирать. Тебе кто стирает? Мать, поди?

– Машина. Теперь, дед, все машины делают – и посуду моют, и стирают, и гладят. Женитьба выходит из моды!

– Э-э, ты меня не дури. С машиной в постель не ляжешь, и дитё она родить не может. Как же без потомства?

– На земле и так людей много, – вздохнул Матвей. – Перенаселение!

– Чаво-о?

Когда дед не понимал, о чем речь, он прикидывался глухим.

Карелин действительно не хотел жениться. Связать себя с посторонней женщиной на долгие годы, подстраиваться под ее характер? Слишком сложно. Да и детей растить – задача не из легких. Его поражало, что среди «неблагополучных» подростков растет процент мальчишек из интеллигентных и обеспеченных семей. Чего им не хватает? Они не знают голода, щеголяют в дорогой одежде, имеют ролики, велосипеды, книги, магнитофоны, фотоаппараты и компьютеры. Школа с ними возится, родители им потакают, а «детишки» норовят слоняться по улицам, задирая прохожих, распивать водку в подвалах, покуривать «травку», нюхать всякую отраву. Что за интерес они находят в мелком воровстве, в сквернословии, в беспричинно жестоких драках? Надоела спокойная жизнь и отсутствие проблем?

«Неужели я перестаю понимать подрастающее поколение? – спрашивал себя Матвей. – Становлюсь ворчливым занудой? Критиковать молодежь – признак старости!»

Вместо бесполезных поучений он вовлекал ребят в мужские игры – экстремальные условия можно создать разными способами. Не обязательно при этом нарушать закон, злоупотреблять алкоголем или без повода пускать в ход кулаки. Есть средства куда более изысканные.

– У тебя сахар нормальный есть? – вмешался в его размышления Прохор. – Твердый, а не энтот... рафинад?

Карелин достал из шкафчика глиняную сахарницу, поставил на стол. У деда аж глаза заблестели. Молодой сосед вызывал у него восхищение – самовар бабкин не выбросил, а, наоборот, начистил до блеска; чай наливает из чашки в блюдце, по-старинному, да и в сахаре толк знает.

Через окно в кухню донесся громкий собачий лай. И Прохор застыл, не донеся до рта размоченный кусок сахара.

– Кажись, Бешеный опять прибеж сюды! Не дай бог, покусаеть моего Тузика! – Он поднял занавеску и выглянул в темноту за окном. – Не видно ни зги!

– Что еще за Бешеный?

– Та пес лохматый! Я его отродясь здесь не видывал. Откуда он взялся на нашу голову? Бяжить навстречу, глазищи вытаращить, слюна из пасти текеть – аж мороз по коже! Я слышал, его в лесу больная лиса покусала. Правда, аль нет, кто знает?

– Если он бешеный, может и на людей наброситься, – сказал Матвей. – Застрелить бы не мешало.

– У тебя ружжо есть?

– Нет. Надо ветеринарную службу вызвать.

Старик зашелся то ли сухим кашлем, то ли смехом. Какая служба? Кто это приедет на ночь глядя собаку ловить? Ну и скажет же сосед такое! Будто с луны свалился.

Матвей неожиданно встревожился. С бешеным псом шутки плохи.

– У мужиков поблизости ружья есть? – спросил он.

– Если и были, то пропиты давно. Местные все наскрозь Матрениным самогоном пропитались!

– И большой этот пес?

– Во какой! – Прохор развел руки в стороны. – Прямо чудище! Шерсть дыбом торчить, клыки наружу... ужась! Если ему малец какой попадется – кранты, заикой станеть. А если баба брюхатая – разродиться посередь дороги. Только у нас тут редко ходють.

В подтверждение или, напротив, в опровержение его слов на улице раздался истошный женский вопль. Матвей, как был, в майке, шортах и тапочках, вскочил и выбежал вон. Старик, кряхтя, поднялся, засеменя следом. В сенях дверь была настежь, со двора пахнуло холодом. Сентябрь – не август, осень свое берет.

Единственный уцелевший фонарь в конце улицы светил тускло, желтый круг от него не мешал темноте скрывать происходящее от людских глаз. Пронзительное тьяканье Тузика глушили злобный рык и остервенелый лай других собак.

– Тузик! Тузик! Ко мне! – сипло кричал Прохор в ночной мрак. – Ах ты, неслух! Ужо я тебе покажу! Погоди у меня!

Тузик заливался лаем, ему наперебой вторили псы с окрестных дворов. Из всего этого собачьего хора отчетливо выделялся яростный, захлебывающийся бас, который, несомненно, принадлежал Бешеному. Женщина больше не издала ни звука. Не слышно было и Матвея.

– Эй, сосед! – позвал старик. – Ты живой?

Внезапно в собачьем ансамбле что-то изменилось. Гавканье огромного пса стихло, его сменил вой, оборвавшийся на высокой ноте. Откуда-то из придорожных кустов стремительно выкатился Тузик и радостно бросился в ноги хозяину. За ним к калитке, тяжело ступая, подошел Матвей... с женщиной на руках.

– Где та зверюка? – опасливо косясь по сторонам, спросил Прохор.

– Прибил, кажется. Утром поглядим. Женщине плохо... надо бы проверить, нет ли укусов. А то придется срочно в больницу везти.

Дед суетливо заковылял вперед, открыл дверь. Матвей внес пострадавшую в горницу, уложил на диван.

– Кто такая? Знаешь ее?

– Не видал, – покачал головой Прохор. – Не нашенская! И по одеже – городская фифа. Чево она здесь забыла?

– Может, в гости к кому-нибудь приехала? А по дороге на нее пес накинудся, напугал до смерти. В обмороке она. – Матвей со знанием дела проверил, нет ли на теле незнакомки

укусов. Вдохнул с облегчением. – Кажется, обошлось! Неси воду, Прохор Акимыч, будем даму в чувство приводить.

Глава 5

Баронесса с тоскливым ожиданием всматривалась в мутноватую поверхность зеркала – может быть, *Ади* подскажет, сколько еще нужно времени, чтобы...

Из приоткрытого окна потянуло дымком, запах отвлек госпожу Гримм. Она выглянула – Тихон сгребал граблями листья и траву, носил на кучу, которая лениво разгоралась. Ох эти русские, что им ни говори, все делают по-своему.

– Тихон! – крикнула она. – Я же просила: до завтра никаких костров!

Ее акцент почти не ощущался, и Тихон не переставал удивляться, как хозяйка ухитряется так чисто говорить на чужом языке.

– Так это ж не костер. Это мусор горит, – задрал голову, объяснил он.

Ну, что с ним будешь делать? Ида Вильгельмовна с сердцем захлопнула створку окна, вернулась за стол, к зеркалу и зажженной перед ним свече. Села... устремила взгляд в зеркальную даль.

– *Ади!* Не молчи.

Поверхность зеркала отражала только беспокойное пламя свечи и напряженное лицо баронессы.

Госпожа Гримм потеряла виски – она устала от повседневной суеты, вероятно, поэтому разговор с *Ади* не удавался. Она обвела глазами свою комнату: на полках слой пыли, книги в беспорядке. У нее просто руки не доходят до каждого уголка большого дома, где все должно блестеть. А эти ежедневные завтраки, обеды и ужины? Без Эльзы на баронессу свалилось столько домашней работы, что у нее голова шла кругом.

– Ну вот! – огорченно прошептала она. – Разве *Ади* станет беседовать с женщиной, погрязшей в житейских заботах? О чем я думаю? Меня волнует уборка и грязные тарелки...

Ида Вильгельмовна нетерпеливо встала и подошла к окну – пришлось снова открыть створку, чтобы позвать сторожа. Куча листьев потухла, и он сидел на корточках, чиркая спичкой.

– Тихон!

Он обернулся и посмотрел на хозяйку.

– Ты ходил расклеивать объявления?

– Да. И вчера, и позавчера, на автобусных остановках клеил, на рынке, у магазина и на заборах.

Она не могла отделаться от мысли, что Тихон лукавит, – наверняка прилепил пару объявлений где-нибудь поближе к дому, а остальные выбросил. Но ведь не признается же! А ходить проверять госпоже Гримм не хотелось. В последние дни ее одолевала слабость и плохие предчувствия.

Она уже несколько раз писала по десятку объявлений – «Требуется компаньонка!» – и просила Тихона наклеить их в людных местах. Тот исполнял ее просьбу, но никто до сих пор не обратился к баронессе по поводу работы. Она допрашивала Тихона, тот клялся и божился, что делает все в точности как велено. А место Эльзы пустовало. И это при том, что в Камышине свирепствовала безработица.

Ида Вильгельмовна недоумевала и пребывала в раздражении. Тут еще *Ади* отказывалась говорить с ней! Она упорно пряталась в блестящей зеркальной глубине, откуда ее тщетно вызывала баронесса.

То ли от сквозняка, потянувшего в окно, то ли по другой, более значительной причине огонек свечи заколебался, дернулся и погас. Такого еще не бывало! Госпожа Гримм похолодела... у нее мороз пошел по коже. Зажигать свечу во второй раз она не рискнула, бережно протерла зеркало и поставила его в специально предназначенный для этого шкафчик с двумя

створками. Шкафчик она запирала на ключ, а ключ носила с собой, на шее, в виде подвески на золотой цепочке.

Ну и денек сегодня. Сплошные неприятности!

Баронесса вдруг вспомнила, какой у Эльзы проснулся интерес к зеркалам, причем не так давно. Нет-нет да и спросит что-нибудь то про венецианские зеркала, то про гадание. У русских девушек, мол, есть обычай запирались ночью в бане, чтобы никто не помешал, ставить напротив два зеркала и две свечи, и вглядываться в образовавшийся зеркальный коридор. Чтобы увидеть в зеркале жениха, надо повторять: «Суженый, ряженный! Покажись мне в зеркале!»

– Почему же *ряженный*? – спросила тогда баронесса.

Эльза смешалась, растерялась и не ответила.

– А в Германии так делают? – спросила она.

Позже она иногда возвращалась к разговору о зеркалах. Госпожа Гримм, как могла, удовлетворяла ее любопытство. От нее Эльза узнала о секрете венецианских мастеров, которые первые научились изготавливать стеклянные зеркала, о том, что в Средние века церковь запрещала своей пастве пользоваться ими. Потому что якобы из зазеркалья на мир взирает обличье дьявола. Сейчас смешно слышать подобное, но в те времена люди боялись зеркал. Кстати, в России зеркало долго считалось заморским грехом и появилось в обиходе только в конце семнадцатого века.

Эльза внимала каждому слову, буквально впитывала информацию.

«Я ее не понимала или она меня? – думала Ида Вильгельмовна. – Странная девушка. Любила говорить о Германии, о жизни немцев. Похоже, она была бы не против уехать туда. Надеялась, что я возьму ее с собой. А я... не имею понятия о собственном будущем!»

Однажды вечером они с Эльзой стояли на террасе и любовались курящимся в низине туманом. Лунный свет придавал ему голубоватую призрачность, казалось, туман разделяет два мира – *тот* и этот.

– По немецким поверьям, туман прядут ведьмы, «облачные жены», – сказала госпожа Гримм. – Они день превращают в ночь, а ночь – в день.

– Как в сказке! – улыбнулась Эльза. – В детстве я зачитывалась сказками братьев Гримм. У вас такая же фамилия. Может быть, вы родственники?

– Нет.

– Теперь я не люблю сказки!

– Почему?

– В жизни любая история всегда заканчивается плохо...

* * *

Едва рассвело, Прохор отправился на место «побоища», где Бешеный накинута на проходившую по улице женщину, а молодой сосед вступился за нее. Картина, которую он увидел, была ужасна. Кусты у забора выломаны, вытоптаны, словно дрались не человек и собака, а два великана, посреди этого разора валялся животом вверх труп страшного пса с дико вытаращенными глазами, с оскаленной пастью, по бокам которой засохли клочья пены. Чуть поодаль лежали брошенные Матвеем окровавленные вилы. Судя по всему, ими он и уложил взбесившееся животное.

Даже мертвый, Бешеный внушал старику опасения – он не рискнул подойти ближе и созерцал поверженного врага, стоя в двух шагах от него. Ну и ну! Видать, и вправду пса бешеная лиса искусила. Не дай бог, он успел заразить окрестных собак!

Своего Тузика дед еще ночью загнал в сарай, тщательно осмотрел и запер.

– Пуцай посидеть на карантине, – пробормотал Прохор. – Вдруг успел бациллу подцепить? Энта зараза хуже чумы!

Старик осторожно наклонился, стараясь не растревожить застарелый радикулит, подобрал вилы и, прихрамывая, зашагал к калитке Матвея.

Тот уже обливался за домом колодезной водой. Ранняя пташка! Прохор думал, что он первый встал, а оказывается, у молодых тоже бессонница.

– Я вилы принес! Куды ставить?

– Бросай здесь. Их вымыть надо, – улыбнулся сосед. – Та собака, наверное, взбесилась. Если она кого-нибудь покусала – беда! Срочно пусть в больницу едут.

– Никто вроде не жаловался. А как твоя гостья-то? Оклемалась?

– Что ей сделается? Спит себе.

– Ты на ее при дневном свете получше погляди, – посоветовал Прохор. – Кажись, она баба пригожая. Так ты того... не теряйся!

– Может, я обет безбрачия дал, а ты меня на грех подбиваешь? – пошутил Матвей. – Нехорошо.

Старик сделал вид, что не расслышал.

– Ладно, пойду курей кормить, – заявил он, неодобрительно кивая головой.

Матвей растер тело полотенцем докрасна, накиннул на голые плечи спортивную куртку, взял охапку дров и пошел растапливать печь. Утро выдалось ветреное, студеное, на траву за ночь лег иней. Ему-то к холоду не привыкать, но гостью следует уважить, женщины любят тепло. Просыпаться в выстуженной комнате, умываться и одеваться, стуча зубами, им не по душе. И правильно. Каждому – свое! Мужчине – закалка, а женщине – нега.

Печка разгорелась, самовар поспел, поджарилась яичница. Матвей полез в погреб, достал соленых грибов, квашеной капусты собственного приготовления, моченых ягод. В Камышине он не признавал городской еды, готовил в печи, как бабка Анфиса, – электрическую плитку на всякий случай привез, но еще ни разу не пользовался.

Гостья застала его за завтраком.

– Садитесь, – предложил он. – Водки выпьем. Вам после вчерашнего не помешает.

– Где моя одежда?

– Я ее постирал. Когда высохнет – зашьем, погладим. Ее собака порвала! Вы чудом остались невредимы. Даже царапин нет.

Она стояла простоволосая, в длиннющей, до пят, бабкиной рубашке с выцветшей вышивкой по вороту и подолу; в шерстяных носках Матвея, которые он положил у кровати вместо тапочек.

– Значит, мне все это не приснилось?

– Полагаю, нет.

– А... как на мне оказалась чья-то рубашка?

Она хотела спросить, кто ее раздевал, но постеснялась. Ясно, кто. Похоже, женщин в этом доме не водится.

– Спать одетой неудобно, – объяснил Матвей. – И потом... ваша одежда была вся в грязи, в собачьей слюне, простите, и в дырах. Есть подозрение, что на вас набросился бешеный пес, поэтому я все снял. Из предосторожности!

– Угу... спасибо.

Она все еще не отошла от шока, в который ее повергло вчерашнее нападение Бешеного.

– Вам нужно поесть, – сказал Матвей. – И выпить.

Она послушно села за стол, глотнула холодной водки, сразу охмелела. Со вчерашнего дня у нее маковой росинки во рту не было.

Матвей оценил ее внешность на троечку – обычная фигура средней полноты, обычное лицо с правильными, не слишком выразительными чертами. Если бы не большие черные глаза красивой удлиненной формы и приподнятые к вискам брови, ее можно было бы назвать

невзрачной. Но глаза и брови делали ее лицо приятным, даже весьма привлекательным. Лоб открытый, темные волосы ровно подстрижены, слегка выются и достают до плеч.

– Вам не мешало бы попариться, – сказал он. – Очень успокаивает. Хотите, я истоплю баню?

– Да... пожалуйста.

– Вы ешьте! – Он придвинул к ней тарелку с яичницей и грибами. – Попробуйте грузди, я сам собирал.

Она смутно помнила, что с ней произошло вчерашним вечером, и напрягалась, пытаясь восстановить подробности. Она вышла из пыльного, пропахшего бензином автобуса, долго петляла по незнакомым улицам. Темнота сгущалась, а она шла и шла, наугад, куда ноги несли. Уже давно нырнул куда-то, исчез из виду старик в фуражке... Сумка! У нее была с собой сумка!

– Где моя сумка?

– Здесь, – он показал в угол у двери, где на крючке висела небольшая спортивная сумка. – Ночью, когда вы уснули, я ходил на то место с фонарем, увидел в кустах сумку и понял, что это ваша. Там еще были вилы, но я их оставил... до утра. Сегодня мне их принес сосед, Прохор Акимыч.

– Какие вилы?

– Которыми я убил собаку. Теперь вспомнили?

– Кажется, да... впрочем, не совсем...

Она надела на вилку гриб, отправила его в рот и разжевала – вкусно. Настоящий сочный, хрустящий лесной груздь, а не магазинные шампиньоны! И вдруг в ее ушах, как наяву, раздался оглушительный собачий лай, яростное рычание, и она ощутила прыжок из крошечной тьмы жуткого лохматого чудища, толчок в грудь, сбивший ее с ног, зловонное дыхание собаки, треск разрываемой острыми клыками куртки...

– А-а-а! – вилка упала на стол, а гостя прижала ладони к щекам и зажмурилась. – Собака! Она едва меня не загрызла!

– К счастью, пес не укусил вас и даже не оцарапал – только изодрал одежду, – успокаивающе произнес Матвей. – Вам повезло. Похоже, он взбесился! Это опасно.

Она помолчала, ковыряя вилкой яичницу. Аппетит пропал, хмель тоже выветрился. Пережитый вчера испуг напомнил о себе дрожью в руках, головокружением.

– И... что потом было? – с трудом вымолвила она.

– Я схватил вилы, выбежал на ваш крик, раздумывать было некогда, пришлось прикончить собаку. Вам, очевидно, стало плохо, и вы упали на землю, кажется, потеряли сознание. Мы с Прохором не знали, кто вы, куда направлялись, поэтому я принес вас к себе в дом, оказал первую помощь, привел в чувство... Вы были не в себе, молчали, потом сразу уснули. Вот и все. Кстати, удобно ли почивалось на бабусиных перинах?

– *Почивалось...* – повторила она. – Как вы интересно выразились. Сейчас так не говорят. Матвей развел руками.

– Я старомоден, как этот дощатый стол, за которым мы сидим. За модой не гонюсь, в ногу со временем не подстраиваюсь. Со мной, вероятно, женщин одолевает смертельная скука, и они бегут от меня, как черт от ладана!

Она застенчиво улыбнулась, поправила волосы и... порозовела. Неужели застенялась? Хороший признак – значит, нервное напряжение идет на убыль. Но кто она, почему не называет своего имени? Спросить самому? Не будет ли это выглядеть навязчивым?

– А где тот... старик в фуражке? Я все время шла за ним и в какой-то момент задумалась, отвлеклась, потом глядь – его и след простыл.

– Старик в фуражке? – не понял Матвей. – Он бросил вас посреди дороги?

– Не совсем. Я... впрочем, не важно.

Она занялась едой, а Матвей задумался. Барышня явно не торопится раскрывать карты. Не могла же она забыть, как попала на эту улицу и зачем? Значит, по каким-то причинам женщина не хочет рассказывать о себе. Что ж, ее право!

– Вы не здешняя, – заявил он с полной уверенностью.

Дед Прохор не мог ошибиться. Он знает всех, кто живет поблизости. Разве что эта барышня забрела сюда с другого конца Камышина? Тогда почему она молчит и, судя по всему, не собирается идти домой? Родные наверняка беспокоятся: ведь ее не было всю ночь.

Гостья продолжала вяло жевать грибы.

– Шли к кому-нибудь? Или приехали в гости?

– Спешите избавиться от меня? – усмехнулась она. – Я злоупотребляю вашим гостеприимством?

– Что вы! Вовсе нет! – смутился Матвей. – Ваша одежда еще не просохла.

Вчера, перед тем как бросить ее куртку, брюки и свитер в корыто с мыльной водой, он проверил карманы. Они оказались пусты, за исключением смятого обрывка бумаги. На всякий случай Матвей отложил его в сторону. Это было объявление: «Требуется компаньонка с хорошей репутацией. Возможно проживание. Зарплата высокая. Адрес: Озерная улица, дом 9».

Уж не камышинская ли немка ищет замену «загубленной» домработнице?

Матвей встал, принес объявление и положил на стол перед гостьей. Она подняла на него глаза – ее длинные густые ресницы мягко загибались кверху.

– Это я обнаружил в вашем кармане. Извините, но люди иногда носят в карманах документы или деньги, поэтому...

– Я понимаю. Вы правильно сделали! Это объявление я увидела на автобусной остановке... и оборвала. Мне нужна работа. Вы подскажете, где находится Озерная улица? Я искала и заблудилась.

Матвей готов был поклясться, что она лжет.

Глава 6

Москва

Жена Ельцова по утрам собственноручно готовила мужу овсянку и творог с фруктами. Он неохотно ел. Безвкусная каша не лезла в горло, а на творожную массу с кусочками кураги и банана даже смотреть не хотелось. Вместо его любимого кофе со сливками в чашке дымился зеленый чай без сахара.

– Леля, нельзя было яйцо пожарить хотя бы? – не выдержал глава семьи. – У нас что, продукты закончились?

– В твоём возрасте пора переходить на здоровое питание, – невозмутимо произнесла супруга.

– Я здоровый человек, а ты меня кормишь, как язвенника!

– Будешь объедаться жареным мясом и пирожными, заработаешь язву, – не сдавала позиций Лилиана Сергеевна. – Здоровье нужно беречь. А ты о бизнесе печешься куда больше, чем о своём организме. Заболеешь, никакие деньги не спасут!

Юрий Тимофеевич потерял терпение.

– Боже мой, Леля, прекрати каркать! У меня действительно начинает ныть желудок, потому что я постоянно голоден!

– Каркать? – вспыхнула жена. – Вот, значит, как ты называешь мою заботу?! Если бы ты меня слушал, наша девочка не убежала бы из дома!

Это окончательно взорвало господина Ельцова. Он вскочил из-за стола, сделал круг по большой, напичканной бытовой техникой кухне, достал из бара коньяк, налил себе изрядную порцию и выпил.

– Ты же за рулем! – не преминула заметить Лилиана Сергеевна.

Ельцов старательно делал вид, что ему безразлично, куда делась Астри, – он нервничал скрыто, и это подавление собственного беспокойства разъедало его изнутри.

– Надо было больше времени уделять воспитанию дочери! – взвился он. – Она у нас одна!

– Это ты был вечно занят своей работой. Девочка росла без отцовского внимания! – не осталась в долгу жена. – Она привыкла делать все, что ей взбредет в голову! А ты этому потакал! Видите ли, нельзя лишать ребенка самостоятельности! Вот и доигрались.

– Послушай... Астри, в конце концов, уже двадцать восемь лет, она вправе сама решать, где ей жить, куда ехать и чем заниматься. Надо было только предупредить нас заранее. В какое положение она меня поставила? Все вокруг знают, что я выдаю дочь замуж... и вдруг она собирает вещи и фыють! – поминайте как звали. Как мне людям в глаза смотреть? Я уже продукты заказал на свадьбу, выпивку, ресторан снял. И что теперь? Извините, дескать, господа хорошие, невеста у нас маленько с приветом оказалась, уехала к двоюродной сестре в Богучаны. Так что не взыщите, торжество временно откладывается.

– Но... Юрочка... она ведь вернется? – Лилиана Сергеевна заплакала. – Не насовсем же она нас бросила?

– А когда, позволь тебя спросить, она вернется? Сколько нам ждать? Неделю, месяц, год? На потраченные деньги ей, разумеется, плевать, она же их не зарабатывала. Но о родителях она должна была подумать? Мы живые люди, между прочим! И никогда ничего для нее не жалели. Все самое лучшее – доченьке! А она нас имела в виду!

Лилиана Сергеевна кинулась к шкафчику, где стояла аптечка, накапала себе и мужу корвалола.

– Выпей, Юра...

Ельцов в сердцах оттолкнул ее руку, лекарство выплеснулось из рюмки.

– Да мне ведро этой гадости выпить придется, чтобы успокоиться! – гремел он. – Надо же, выкинула номер любимая дочурка!

– Ну, не кипятись ты так... Может, у них с Захаром ссора вышла? Она и сбежала. Прочитать его хочет.

– Я с ним говорил. Он в полном недоумении.

– Астра просто из прихоти из дома бы не ушла, – покачала головой Лиана Сергеевна. – Мы свадебное платье собирались покупать, в салон записались на прически. Там огромная очередь, надо загодя договариваться. Я ничего не понимаю! Что-то произошло, Юра. Не верю, что Астра могла так поступить без всякого повода. Она же... нормальная девочка.

– Вот видишь? Ты сомневаешься в ее нормальности. Я, признаться, тоже. Ну, случилась неприятность какая-нибудь, повздорила с женихом или еще что – так приди, поделись с родителями. Разве мы ей враги?

Ельцова всхлипнула, прижала руки к обтянутой сиреневым шелком груди.

– Ее надо искать, Юра!

– Как? Поднимать на ноги полицию? Чтобы вся Москва гудела? Мне стыдно, что я вырастил непутевую дочь, которая не уважает отца и мать, не дорожит честью семьи. Это позор, Леля!

– Что ты мелешь? – разозлилась жена. – Какой еще позор? Она что, обокрала кого-то, убила? Для тебя репутация... твоя дурацкая гордость дороже родной дочери! Я сама напишу заявление в полицию, раз тебе все равно.

Ельцов обреченно вздохнул, налил себе еще коньяку.

– Оставь, дорогая. Какая полиция? Астра, да будет тебе известно, совершеннолетняя и полностью дееспособна. Она взрослый человек и не обязана никому отчитываться в своих действиях. Ее же не похитили, не увезли силой, не заперли. Она сама решила уехать и даже сообщила, куда. Хоть за это спасибо! Ее никто не станет разыскивать, потому что нет оснований.

– Попроси Борисова. У тебя полно охранников, которые зря деньги получают!

Юрий Тимофеевич и сам думал о том, чтобы поручить начальнику своей службы безопасности выяснить, где Астра. Приехала ли она в Богучаны? Борисов будет помалкивать, а это в данном случае немаловажно.

– Хорошо, – согласился он. И жена сразу расцвела, перестала лить слезы. – Я этим займусь. Кстати, ты нашла адрес?

– Адреса нигде нет. Я перерыла все ящики, все записные книжки! Нет ни писем... ничего.

– Черт, я даже фамилию той двоюродной сестрицы не помню, – выругался Ельцов. – Кто же знал, что пригодится? Видишь, Астра не хочет, чтобы мы ее искали. Она нарочно уничтожила все конверты, все записи. Как прикажешь это понимать?

Лиана Сергеевна развела руками.

Камышин

Матвей топил баню. Впервые он делал это не для себя, а для женщины, случайно оказавшейся у него в гостях. Кто она? Почему молчит? Даже имени своего не назвала. Может быть, ее преследуют? Ревнивый муж, любовник или... сутенер. Пожалуй, на даму, оказывающую интимные услуги за деньги, она не похожа. Хотя внешность обманчива. Или у нее проблемы с законом? Растрата, воровство, нелегальный бизнес?

Ночью, когда гостя спала, он мог залезть в ее сумку и посмотреть документы, если они там есть. А где же им быть? Карманы куртки и брюк он невольно проверил перед стиркой, а в бюстгальтер или трусики паспорт не спрячешь. Но идея рыться в вещах незнакомого человека не вдохновила Матвея – гостеприимные хозяева так не поступают, тем более женщина к нему в дом не напрашивалась, он сам проявил инициативу. А теперь ломает голову, что да как.

«Так, стоп! – приказал он себе. – Я занимаюсь сушей ерундой. Какая мне разница, как ее зовут? Во-первых, скоро она уйдет, и мы больше никогда не увидимся. Во-вторых, зачем гадать? Утомительно и неэффективно. Я сейчас буду теряться в догадках, строить предположения, которые потом рассыплются в пух и прах. Какое мне дело до чужих тайн? Никто не обращается ко мне за помощью, никто не просит моего совета!»

Он бросил в дубовую бадью сухие травы, плеснул кипятка...

«Вот так-то лучше! Занимайся паром, Матвей, и не суши себе мозги!»

В бане запахло березовыми почками и зверобоем. Хорошо! Камни раскалились докрасна. Пора звать купальщицу... только как к ней обратиться? Сударыня? Мадемуазель? Глупо...

Он вышел во двор и сразу увидел ее – она стояла, одетая в его спортивный костюм, и заглядывала в колодец.

– Глубоко! А вода холодная?

– Ледяная, – ответил Матвей. – Идите париться, все готово.

Она послушно подошла к дверям баньки.

– Я не умею... что там нужно делать?

– Все приготовлено: мыло, полотенце, горячая вода, веник...

Она пребывала в растерянности. Выходит, Прохор Акимыч прав – «городская фифа». Местные знают, как мыться в русской бане.

– Хотите, чтобы я помог? – улыбнулся он. – Спинку потер, веничком прошелся?

– Нет, что вы! – вспыхнула она. – Я как-нибудь сама.

– Ну, с богом. Если возникнут затруднения, зовите, приду! Кстати, давайте познакомимся, надо же как-то обращаться друг к другу. Захотите меня позвать, что станете делать? Кричать: «Эй, вы, мужчина?» Мое имя – Матвей. А ваше?

– Астра.

– Совсем другое дело, – обрадовался он.

Она с недоумением пожала плечами, отвернулась и робко потянула за ручку двери, скрылась в предбаннике.

Матвей набрал воды из колодца и понес в дом. Пора обед готовить – мясные щи и картошку с грибами. Пусть городская дамочка полакомится деревенскими деликатесами. Из печи пицца другая: такую ни на газовой плите, ни в микроволновке не состряпаешь.

«Астра! – подумал он, нарезаая телятину крупными кусками. – Ни разу не встречал женщину с таким именем».

Первая его «любовь» – красавица, спортсменка, активистка Ирина – училась с ним на одном факультете. Она лелеяла надежду женить на себе перспективного молодого человека. Карелин был умен, прекрасно развит физически, равнодушен к алкоголю и куреву, горяч в постели и абсолютно неприхотлив в быту. В любом походе, на любом пикнике у него все спорилось в руках. Если требовалось поставить палатку, нарубить дров, разжечь костер, приготовить ужин, обработать и перевязать рану, вправить вывих, соорудить из подручных средств носилки, то ему не было равных. Он сохранял выдержку и хладнокровие в самых экстремальных обстоятельствах, умел дать отпор любому забияке, примирить спорщиков, найти общий язык с первым встречным и договориться с кем угодно о чем угодно. Идеальный положительный герой! Когда он заявил, что не собирается вступать в брак, у Ирины пропал дар речи.

– Как? – вырвалось у нее. – Но ведь мы же... спим вместе! Ты мой первый мужчина!

Это была правда. До Матвея Ирина ни с одним парнем не заходила так далеко. Она не сомневалась, что благовоспитанный и «правильный» Карелин непременно на ней женится. Он не заводил разговора о свадьбе исключительно из застенчивости.

– Разве мы любим друг друга? – с присущей ему прямоотой спросил Матвей.

– А зачем же ты... зачем же мы тогда...

Она устроила истерику, обвиняла его во всех грехах, но «идеальный герой» стоял на своем. Есть половое влечение, а есть любовь. Второе может предполагать первое, но не обязательно. А вот первое ничего не предполагает.

– Я ничего не обещал, – твердил Матвей. – Прости, если я обманул твои ожидания. Я думал, ты все понимаешь.

– Ты лжец! – рыдала Ирина. – Подлая скотина! А если бы я забеременела?

– Я предохранялся. Мужчина несет ответственность за то, что он делает.

Они расстались врагами. Ирина проклинала бывшего возлюбленного на чем свет стоит, он невозмутимо отмалчивался. Она надолго отбила у него охоту ухаживать за девушками. Матвею казалось, все они охотятся за мужьями, а он не представлял себя в этой роли. Семья, дети... он пока не созрел. Зачем разрушать чьи-то мечты?

Через пару лет он сошелся с Ларисой – замужней дамой несколько старше себя. То, что у нее уже есть семья, послужило благоприятным фактором. Женщина состоялась как жена, как мать и не станет претендовать на его свободу. Матвей сразу, в первую же встречу, заявил, что они могут быть только любовниками.

– Я не собираюсь бросать мужа, – сказала она. – Не скрою, что вышла за него по расчету, но меня все устраивает. Кроме постели! У него проблемы с потенцией. Его бизнес требует большого нервного напряжения, и это сказывается на здоровье. Мы уважаем друг друга, у нас есть сын... я не считаю, что изменяю ему.

– Он такого же мнения?

– А что мне остается? – ушла она от ответа. – В конце концов, существуют биологические потребности.

– Отлично! *Биологические потребности!* Тем лучше.

Отчего-то ее прямота покорила Матвея. Как будто он сам не стремился к тому же самому?! Они просто будут удовлетворять естественные потребности организма. Пошло до тошноты. Странно устроен человек – когда он получает то, чего хотел, вдруг раздражается и проявляет недовольство.

С Ларисой все было просто. Она не искала любви, не видела в Карелине потенциального супруга, она жаждала его ласк, его тела, тела и тела... до изнеможения, опустошения и бессилия. Да, ее мужу приходилось нелегко, учитывая ее ненасытность и огненный темперамент. Она утомляла даже Матвея, который не был поглощен бизнесом и не жаловался на здоровье. Его вдруг стало бесить, что Лариса, не перемолвившись и двумя словами, сразу пристает с поцелуями, с объятиями. С Ириной хоть можно было поговорить о природе, о книгах, обсудить какие-то проблемы.

– Лара, тебя волнует что-нибудь, кроме секса? – однажды спросил он.

– Конечно, – не раздумывая, выпалила она. – Я начала скучать по тебе... – И добавила: – По твоему телу! Ты бесподобен, милый! Только ты умеешь доставить мне удовольствие. Я таю в твоих руках, как Снегурочка в лучах палящего солнца. Ты сводишь меня с ума!

Они встречались в квартире, которую она снимала тайком от мужа. Впрочем, Матвей начал сомневаться, что тот пребывает в полном неведении относительно шалостей супруги. Не мог же он не знать о ее бурной сексуальности? Значит, либо скрепя сердце закрывает на это глаза, либо не имеет ничего против и даже потакает ее прихотям. Бывают и такие семейные пары.

На дни рождения Лариса каждый раз дарила Карелину все более дорогие подарки. Когда она преподнесла ему запонки с бриллиантами, он не обрадовался, а возмутился:

– Ты оплачиваешь мои услуги?

– Что за глупости? Я от всей души! У меня никогда не было такого шикарного любовника!

Она прикусила язык, но поздно – Матвей не нуждался в ее оправданиях, он давно сообразил, что не первый у Ларисы.

– Зато я тебя ни с кем не делю, – опустила она бесстыжие глаза. – Даже с мужем. Он совсем раскис. Попивает и все больше отстраняется от меня. Мы живем под одной крышей, он дает мне деньги, но спит в отдельной комнате. Как-то я нашла у него в тумбочке дорожные лекарства для поддержания мужской силы. Оказывается, он их принимает, а толку нет. Боюсь, ему ничего не поможет!

Со временем отношения Матвея и Ларисы устоялись, вошли в привычку – она поостыла, а он смирился с тем, что их связывает исключительно постель.

– Как твой сын? – спрашивал он, когда молчание затягивалось.

– Как твоя работа? – из вежливости интересовалась она.

Расставаясь, Матвей не испытывал потребности увидеться с ней; она же, напротив, скучала и томилась в его отсутствие. Предложила однажды:

– Давай, съездим куда-нибудь вдвоем?

– Зачем? – удивился он.

– Боже, как ты прагматичен, дорогой! Никакой романтики, сплошной рационализм.

– Что в этом плохого?

Представив себе Ларису, которая шагу не могла ступить без ванны, косметических процедур и прочих атрибутов комфорта, он невольно рассмеялся. Она была бы неподражаемо, до абсурда нелепа в Камышине, например, или в пешем походе с рюкзаком за плечами! Нет уж, увольте.

Лариса на дух не выносила деревню, а он с тем же отвращением воспринимал модные курорты и пятизвездочные гостиницы. Чего он там не видел? Его не тянуло ни в Париж, ни в Нью-Йорк, ни в Венецию, ни на африканское сафари...

– Спасибо! Эта ваша баня – настоящее чудо!

Звонкий голос Астры вернул его в настоящий момент. Она покраснела, влажные волосы блестели, и Матвей подсознательно сравнил ее с Ларисой. Та выглядела потрясающе, но в ее внешности была искусственность, привнесенная умелой рукой визажиста, парикмахера. После бани она, пожалуй, проиграла бы Астре.

– Идемте обедать, – смутившись, сказал он. – Щи поспели.

Гостя без ложной скромности отдала должное угощению, приготовленному по всем правилам бабушки Анфисы. Мясо и капуста в щах протомились так, что таяли во рту; от картошки шел запах белых грибов и укропа.

– В жизни не ела ничего вкуснее!

После обеда она погрузилась в грусть, и Матвей едва не предложил ей остаться, пожить у него пару дней, отдохнуть, прийти в себя после... чего? Нападения Бешеного? Чувствовалось – Астра озабочена чем-то еще, кроме инцидента с собакой. Она ищет работу, значит, нуждается в деньгах.

– Вы твердо решили пойти в домработницы? – как можно мягче спросил он.

– Не в домработницы, а в компаньонки. В объявлении написано: «возможно проживание». Меня это устраивает.

– Вам негде жить?

Он опять чуть не брякнул: «Живите здесь, заодно и за домом присмотрите». Но сдержался.

– Негде, – нахмурилась Астра.

Матвей ожидал продолжения, но его не последовало. Он задал следующий вопрос.

– Простите за любопытство, откуда вы приехали? Вы ведь не из Камышина?

– Нет.

И снова молчание. Гостя опровергала все суждения о женщинах, как о неумных болтушках, которым только дай тему для разговора, и поток слов будет не остановить.

– Значит, решено? Вы идете на Озерную, дом девять.

Она кивнула.

– Если меня возьмут, я буду на седьмом небе от счастья!

Астра произнесла это с мрачной иронией.

И тут в памяти Матвея всплыли предположения старика Прохора по поводу судьбы предыдущей компаньонки камышинской баронессы. Девушка, кажется, пропала? Впрочем, это могут быть всего лишь домыслы местных кумушек, которых хлебом не корми, дай посплетничать.

– Не мешало бы навести справки о работодательнице, – осторожно заметил он. – Люди здесь живут разные. А госпожа баронесса пользуется репутацией капризной и... весьма... мм... оригинальной особы. Вас не пугает, что...

– Не пугает, – перебила его гостя. – А она действительно *баронесса*?

– Понятия не имею. Однако слухи о ней ходят самые разные.

– Вы меня проводите к ее дому? – попросила она, прямо глядя в глаза Матвею. – Тут у вас по улицам стаями бродят собаки Баскервильей! Брр-ррр-р... Не хочу, чтобы на меня еще какая-нибудь набросилась.

– Хорошо.

На сборы у Астры ушло полчаса, а еще минут через сорок она и Матвей остановились у калитки дома номер девять по улице Озерной. Обычный европейского типа коттедж из красного кирпича с мансардным этажом и коричневой крышей стоял в глубине двора, полускрытый пожелтевшими березами. Из-за кованого забора выглядывали молодые яблоньки.

– Вы идите, – сказала Астра своему провожатому. – Спасибо за все!

Он дал ей визитку с номерами телефонов, адресами конструкторского бюро «Карелин» в Москве и военно-спортивного клуба «Вымпел».

– Если понадобится, обращайтесь.

– Так вы москви-и-ич? – протянула она, и в ее голосе отчетливо прозвучало разочарование.

Он отошел на некоторое расстояние, скользнул за толстый ствол сосны и продолжал наблюдать. Ему совершенно не были присущи ни чрезмерная любознательность, ни склонность к слежке за кем-либо. Особенно за женщинами! Но дурное предчувствие необъяснимого свойства толкнуло Матвея на этот поступок. Откуда у него появилось ощущение, что Астре угрожает опасность и – тем паче! – что он отвечает за ее судьбу?..

Глава 7

Москва

Розовенькие цветочки на нежно-зеленом фоне... Боже! Какая безвкусица! Какой примитивный мещанский уют! «Неужели, мне могло импонировать все это? – с раздражением подумал Захар. – А чего стоит плед, которым накрыта софа?! А люстра с дурацкими подвесками? Где были мои глаза?»

Господин Иваницын возненавидел стены, где еще совсем недавно чувствовал себя хозяином положения. Здесь, в квартире Марины, они впервые стали любовниками и здесь же заключили соглашение: Астра не должна ничего узнать ни при каких обстоятельствах. Он остается ее женихом, Марина – лучшей подругой. Правда, тогда о свадьбе речь не заходила: Астра и слышать не желала о замужестве. Сколько усилий он потратил, чтобы убедить ее в преимуществах семейной жизни с таким мужчиной, как он, и склонить к заключению брака?! И Маринка, эта похотливая дрянь, все разрушила! Ей, видите ли, приспичило родить ребеночка!

«Надеется таким дешевым трюком привязать меня к себе! – с отвращением подумал Захар. – Не выйдет!» Отцовские чувства были ему чужды, как, впрочем, и все остальные. Он руководствовался исключительно расчетами и отпускал на волю свои инстинкты. Природа наградила его внешностью красивого самца в ущерб душевным качествам. Ум его работал только на карьерный рост и получение собственной выгоды, а сердце всего лишь исправно осуществляло цикл по перекачке крови в его завидно здоровом организме. Женщины, которых он соблаговолит осчастливить своим вниманием, млели от одного взгляда его томных глаз. Все, кроме Астры. Наверное, это стало второй по важности причиной, которая побуждала Захара взять ее в жены. Главным, конечно же, было состояние господина Ельцова, наследницей коего являлась его единственная дочь.

В школьные годы Захар влюбился в Астру без памяти, готов был целовать следы ее ног. Тогда еще не имело значения, кто кем станет, у кого какие перспективы... однако он интуитивно выбрал из всех девчонок именно ее. Не за красоту – в классе Астра была скорее гадким утенком, нежели прекрасным лебедем. Да и сейчас ей до лебедя далеко! В ней чувствовалось нечто необычное, какая-то внутренняя свобода. Она не брала пример с других, не заботилась о том, чтобы произвести благоприятное впечатление, и была равнодушна к оценкам. Всем, кто окружал Астру и Захара, не давал покоя вопрос: что в ней нашел красавчик и душка Иваницын? Чем это она его приворожила?

Она повсюду таскала за собой Маринку. Подружка Астры тайком строила ему глазки, ненароком приподнимала юбку, норовила оказаться рядом, поближе придвинуться, прикоснуться – а вдруг мальчик не выдержит и потянется к ее жаркому телу? Сколько лет она терпеливо выжидала, наступая себе на горло, ломала свою гордость, прятала ревность и злые слезы! Добилась-таки своего. Одного Марина не усвоила – не годится она в жены такому мужчине, как Захар Иваницын. Мелко плавает! Ни родней не вышла, ни личными достижениями. Он даже зубы лечить ходил к другому специалисту – ей не доверял.

Ему и в голову не приходило, что Марина решится на двойное предательство. Да-да! Именно ее он считал изменницей! Она обманывала и его, и Астру. Они оба ей доверяли, и она обоих «развела» – каждого по-своему.

Захар пришел уговорить ее сделать аборт. Он даст денег, отправит ее в Турцию на две недели – там сейчас бархатный сезон, – пусть понежится на солнышке, отдохнет. Если не будет дурой, разумеется! Он уже придумал, что Марина скажет подруге, когда они встретятся: мол, все ее выдумки про ребенка и интимные отношения с Захаром – вранье, которое она сочинила, чтобы расстроить свадьбу. Ну, умом тронулась от любви и ревности! Руки на себя наложить

хотела... потом решила попробовать, а вдруг удастся поссорить жениха и невесту? В общем, ничего не было! Захар чист, аки агнец невинный.

Первый тур переговоров прошел трудно. Захар осторожничал, делал подходы то с одной стороны, то с другой и уже начинал злиться. Упрямая сучка твердила свое: «хочу ребенка» и «ребенку нужен отец». И ради того, чтобы у ее дитяти была полноценная семья, она пойдет на все!

Иваницыну требовалась передышка, и он попросил Марину заварить ему крепкого чаю.

– Тебе с сахаром? – крикнула она с кухни.

– Да! И принеси водки...

Она вернулась с подносом, уставленным чашками и закуской; между тарелками приткнулась рюмка с водкой.

– Это что за детская порция? – не сдержался Захар.

– Тебе не следует злоупотреблять спиртным.

– Будешь меня учить?!

Он, назло ей, сходил в кухню, вернулся с бутылкой и отхлебнул прямо из горлышка у нее на глазах. Руки чесались заехать хорошенько Марине по веснушчатой физиономии! Да нельзя было. Он не имел права испортить дело.

– Последний раз предлагаю уладить проблему мирно, – разгоряченный водкой, заявил он и плюхнулся в кресло. – Иначе пополнишь ряды матерей-одиночек!

Она вспыхнула, расплескала чай на светлый китайский ковер.

– Интересно, что скажет Ельцов, когда узнает о твоих похождениях?! Думаешь, он о таком зяте всю жизнь мечтал?

– Я выставлю тебя лгуньей и... шантажисткой! – выпалил Захар. – Шеф поверит мне, а не тебе!

Он был готов задушить проклятую бабу. Она смеет ему угрожать?!

– Я потребую признания тебя отцом ребенка через суд! – пошла в наступление Марина. – Сделаем анализы... Ты забыл, что у меня медицинское образование?

– Заткнись! – он замахнулся, она закрылась руками, заорала как резаная.

Впервые у него появилось осознанное желание убить ее, заставить замолчать навсегда. Не мимолетно мелькнувшая мысль, а конкретный путь выхода из неразрешимой ситуации. Она сама толкает его на крайние меры своей тупостью, своим идиотским упрямством.

– Значит, не договорились? Ну и черт с тобой!

Марина косилась на него исподлобья, как загнанная в угол кошка. Каждый волосок ее модельной стрижки, казалось, поднялся дыбом.

– Ты не торопись, милый, я тебе еще не все показала, – прошипела она.

Он был настолько взбешен, что не заметил, откуда она достала конверт с фотографиями. Снимки рассыпались по ковру – неопровержимые доказательства его амурных связей с молодой официанткой из кафе «Орхидея»; с пловчихой из бассейна «Авангард», где он совершенствовал свою физическую форму; с девицей из массажного салона...

– Ах, ты... – у него перехватило горло от возмущения. – Ты следила за мной? Небось ищейку наняла?! Мерзавка!

Сжав кулаки, с перекошенным лицом, которое из красивого вдруг стало страшным, он двинулся к Марине...

Камышин

Ида Вильгельмовна придирчиво разглядывала молодую женщину, которая пришла устраиваться на работу.

– Вы хоть знаете, что нужно делать в таком доме, как мой? – спросила она.

– Не совсем, – честно призналась Астра. – Но вы мне подскажите.

– А готовить вы умеете?

– Немного. Я буду учиться! – поспешила добавить она. – Если есть поваренные книги, то...

– У вас есть рекомендации от предыдущих хозяев? – перебила ее баронесса.

– Нет.

Госпожа Гримм поджала губы, промолчала. Она уже усвоила, что в России почти никто не в состоянии предоставить рекомендации. Это здесь редкость. Вообще найти хорошую прислугу – проблема! Приходится закрывать глаза на многое.

– Вы уже где-нибудь работали? Я имею в виду – вели домашнее хозяйство у приличных людей?

– Нет. Но я очень постараюсь...

– Понятно! Опять будете спрашивать каждую мелочь, ломать технику и пережаривать шницель. Боже мой! За что мне все это?! Ладно, оставайтесь, по крайней мере, вы внушаете мне доверие. У вас приятное лицо и открытый взгляд.

На самом деле ее снисходительность была вызвана иной, тайной причиной – нынче утром она открыла створки заветного шкафчика и достала *зеркало*. Сначала оно хранило молчание, но потом...

Кто-то скажет, что если долго смотреть в одну точку, может померещиться что угодно – от покойной бабушки до черта с рогами! Глаза устают, нервные окончания посылают в мозг судорожные сигналы, тот путается и создает в сознании нечто, наподобие миражей в пустыне.

Мать Иды Вильгельмовны боялась *зеркала* и хранила его в темном футляре стеклом вниз. Даже футляр она брала в руки с опаской, а о том, чтобы заглянуть в него, и речи быть не могло. Только переключав к Иде, *зеркало* вернулось к жизни.

– Бог знает, что это за вещь! – отчего-то шепотом говорила старая баронесса. – Меня от него жуть берет. А почему, не понимаю.

Никто не предполагал, какое влияние *зеркало* окажет на жизнь ее дочери. По сути дела, из-за него Ида Вильгельмовна и оказалась в Камышине...

– В объявлении было написано: «Возможно проживание», – произнесла новая компаньонка. – Это остается в силе?

Госпожа Гримм встряхнулась, отгоняя нахлынувшие воспоминания.

– Да, разумеется. Вам показать комнату... – она запнулась. Хотела сказать, *комнату Эльзы*, но вовремя спохватилась: – ...комнату для прислуги?

«Так мне и надо! – подумала Астра. – *Прислуга*. Что ж, прекрасно! Здорово! То, что и требовалось! Я же собиралась вывернуть свою жизнь наизнанку? Кажется, у меня получается».

– Идите за мной, – справившись с замешательством, сказала баронесса.

Она привела Астру в светлую и просторную комнату. Кремовые шторы были подняты и открывали огромное окно, которое выходило в облетающий сад с красными зимними яблоками на ветках. В углу стоял раскладной диван, покрытый клетчатым пледом, на полу лежал коричневый ковер. Интерьер дополняли торшер, пара стульев, тумбочка, телевизор, компьютер, стеллаж для книг и встроенный шкаф с раздвижными оранжевыми панелями. Во всем чувствовались умеренность и хороший вкус.

Астре бросились в глаза выложенные природным камнем фрагменты стены по обеим сторонам окна – весьма оригинальная, удачная деталь.

Видимо, дизайнер, курирующий внутреннюю отделку дома, позаботился, чтобы каждому помещению была присуща своя «изюминка», – в каминном зале он разместил грубо обработанные балки; в холле – множество деревянных деталей и темную «выщербленную» плитку; в коридоре – настенные светильники в виде старинных подсвечников.

– Вы будете уезжать домой на выходные и праздники? – спросила хозяйка.

– В этом нет необходимости. Если я не слишком обременю вас своим присутствием, то...

– Хорошо, – не дослушала госпожа Гримм.

– Можно мне остаться в комнате, осмотреться, привыкнуть к обстановке?

– Конечно, милая. Привыкайте, обживайтесь. Завтра я познакомлю вас с Тихоном, он здесь и сторож, и садовник, и мастер на все руки. А пока вот, извольте изучить! – она протянула Астре лист бумаги, исписанный мелким, как бисер, почерком. – Это перечень ваших обязанностей. Почитайте, взвесьте все «за» и «против», окончательный ответ дадите завтра утром. Я вас не тороплю.

Хозяйка удалилась, закрыв за собой дверь.

Астра вздохнула и обвела взглядом комнату, где до нее, надо полагать, кто-то уже жил. Скорее всего, женщина, занимавшаяся той же работой, которую теперь предстоит исполнять ей. Интересно, почему предыдущая работница ушла? Ее уволили? Или она сама решила подыскать другое место?

Астра прочитала список обязанностей, составленный с завидной педантичностью. Количество пунктов испугало ее, но, подумав, она пришла к выводу, что госпожа Гримм поступила правильно – во-первых, она облегчила новенькой задачу, «разложив по полочкам» каждую мелочь, которую просто можно упустить по неопытности; во-вторых, сразу дала понять, какой объем работы требуется выполнять. Чтобы Астра взвесила, хватит ли у нее на все это терпения и трудолюбия.

«Благодаря заботам родителей я выросла белоручкой, – сокрушенно вздохнула она. – Как ни стыдно признаться, я почти ничего не умею делать. Не пройдет и недели, как меня с позором выгонят вон! Куда я пойду? Торговать овощами на рынке? А кухня? Кто станет есть мою стряпню? Ужас!»

У нее не было шансов остаться в этом доме хотя бы на месяц.

Появилась предательская мыслишка о возвращении домой, но Астра отогнала ее. Она решила круто изменить свою жизнь, чего бы это ни стоило, и не отступит. Подумаешь, домашняя работа! Это ж не каторга все-таки, не рудники, не лесоповал, даже не стройка!

Сад за окном шумел от ветра, ронял на землю листья – они ударялись об оконное стекло, словно пытаясь достучаться до новой жилички.

«Справлюсь как-нибудь, – думала она, глядя на облетающие деревья. – Чтобы родиться вновь, надо умереть. Это больно и страшно. Но если сад не сбросит на зиму мертвую листву, не обнажится перед лютыми холодами, то не сможет расцвести будущей весной. Он простоит под снегом много дней и ночей, голый и замерзший, слушая заунывный плач метели; под его черной заиндевевшей корой замрут в ожидании тепла жизненные соки. Зимний сад не просто спит – он видит сны о солнце и лете, о птицах, которые соведут гнезда в его ветвях, о теплых дождях, которые напоят его корни. А потом его разбудит южный ветер, несущий с собой ароматы дальних стран и эхо морского прибоя...»

– А меня что разбудит?

Астру тоже настигли холода, но она выстоит, переживет зиму и дождется весны. По-другому быть не может! Жизнь нужно начинать с чистого листа, со снежной пустыни, где все воспоминания о прошлом выжгла ледяная январская стужа.

Так, утешая себя философскими рассуждениями, Астра знакомилась с комнатой. Шкаф был пуст, книжные полки занимали произведения немецких и русских классиков, несколько дисков с заурядными фильмами не представляли интереса, на тумбочке и всех открытых поверхностях лежала пыль. Астра приподняла ковер. Что она надеялась там увидеть? Пятно крови? От этой мысли ей стало жутко. Что за глупости лезут ей в голову? Пятен на полу, конечно же, не оказалось. Их и не должно там быть...

Она потрогала стену, выложенную камнем, – натуральный песчаник, похожий на тот, что украшал цокольный этаж их загородного дома. Приятный на ощупь, теплых красновато-желтых тонов...

Зацепившись за край ковра, Астра оступилась, и, чтобы не упасть, с силой оперлась рукой о камень... Он вдруг подался внутрь, открывая полое пространство в стене. Тайник?..

Глава 8

– Домой собираесси? – лениво поинтересовался старик, заглядывая через забор.

– Ага. Хватит бока отлеживать, Прохор Акимыч.

Молодой сосед носил дрова в сарай – чтобы не мокли под дождем. Когда еще он придет сюда? Пора в Москву – там дел неувпоровот: бизнес, подростки, которых он оставил без присмотра.

– А куды та деваха подевалася? – взялся за свое дед. – Вчерась гляжу – нету ее, нынче тоже не показывалася. Ушла небось? Ты хоть адресок у ей спросил?

Матвей изобразил непонимание, уставился на Прохора недоуменным взглядом.

– Какая еще деваха?

– Ну ты и жук! Деда-то дурить негоже! Думаешь, раз я седой, то из ума выжил? – рассердился старик. – Я на память не жалуясь.

– А-а, ты про ту, которую чуть пес не искусал? Она работу искала, вот и забрела на нашу улицу. Заблудилася.

– Тебе она совсем не по сердцу, да? Спровадил, и не вспоминаешь! – старик раскурил самокрутку и затянулся едким дымом. – Ядреный табачок, в магазине такого не купишь.

Матвей отнес охапку дров в сарай, постоял там, надеясь, что Прохор уйдет. Чего он привязался? От скуки, наверное. Поговорить не с кем, вот и чешет языком.

Но дед с наслаждением дымил, покашливал, шурился от солнышка и не думал оставлять Матвея в покое.

– Значить, она тебе не приглянулася? – спросил он, едва сосед показался во дворе. – Переборчивый ты жаних, Матвеюшка! Бог таких-то не жалуешь.

Матвей решил не ввязываться в спор, просто слушать. Прохор вволю гундосил про то, как несладко бобылем век вековать, пока не выдохся.

– Ты, парень, кремень! Ничем тебя не примешь!

Старик насупился, молча запыхтел самокруткой. Матвей вздохнул с облегчением. Его беспокоили мысли об Астре, но с дедом он откровенничать не собирался.

Тогда, проводив ее к дому номер девять по Озерной улице, Матвей видел, как она закрыла за собой калитку, и решил подождать. Выйдет или не выйдет? Не вышла.

Здесь каждая собака знала дом баронессы – с темно-коричневой крышей, высоченной каминной трубой и огромными закругленными окнами. Отчего-то в этот раз особнячок произвел на Матвея отталкивающее впечатление. В голову лезли смутные мысли – что все-таки произошло с прежней компаньонкой баронессы?

«Не суйся в чужие дела, – подсказывал внутренний голос. – Ты же намекнул новой знакомой, что не мешало бы навести справки о хозяйке дома. А она тебя не послушала, отмахнулась, как от назойливой мухи».

Матвей отправился восвояси и остаток дня провел в лихорадочном возбуждении. Подобное состояние было ему в диковинку. Даже чай из трав и созерцание звездного неба не принесли ему желанного равновесия. Странная гостья внесла смуту и разлад в его душу, нарушила привычный ход мыслей.

– Дак... нашла она работу, деваха-то? – напомнил о себе старик. – Куда такую фифу возмуть? В кабак только, вино разливать.

Матвей пропустил его умозаключение мимо ушей.

– Слышь, Прохор Акимыч, а кто был у немки в прислужницах? Знаешь?

Тот расцвел от удовольствия. Наконец сосед разговорился, а то молчит и молчит, будто воды в рот набрал.

– Как не знать? Наша, камышинская девица! Имя у ей заковыристое... Лиза... Элиза... запамятовал я! Девка – загляденье! А энта змея порчу на ее навела, чтобы та, значить, всех мужиков отшивала. Кто к ей не подкатывался, всем, значить, от ворот поворот! Ну а потом она вовсе того... пропала. Ни у немки нету, ни дома. А где ж она могёт быть? Ясно, замордовали девку. Насмерть...

– Родственники у нее есть?

– Есть... бабка больная и сестра. Мать у ей померла год или два назад, от сердца.

– А отец где?

Прохор развел руками.

– Может, спился или на заработки куды уехал, да и сгинул.

– Далеко они живут?

– Далече! Тебе-то зачем?

– Повидаться хочу, – усмехнулся Матвей. – Из первых уст басню услышать!

– Выходит, не веришь, – обиделся старик. – Зря тебя мамка Фомой не нарекла! В самый раз было бы.

– Верю, не верю... какая разница? Адрес давай – улица, дом.

Но Прохор не помнил ни названия улицы, ни номера дома, только фамилию: Коржавины.

– Я расскажу, как идтить, – предложил он. И пустился в путаные объяснения.

Матвей переспрашивал, уточнял, чем вывел деда из себя.

– Тьфу на тебя, ей-богу! – вспылил тот и начал сооружать новую самокрутку. – С виду умный, а простых слов не понимаешь.

– Ладно, не злись, – улыбнулся Матвей. – Идем, пропустим по стопочке.

Он угостил старика водкой, яичницей с салом и квашеными помидорами. Тот разомлел, расчувствовался. Ему было жаль, что Матвей уезжает, прощался чуть ли не со слезами на глазах.

– Вдруг не увидимся боле?

Матвей проводил гостя, прибрал в доме, вымыл посуду, сложил сумку – приготовил все на завтра. Первый автобус отправлялся в семь тридцать утра. Не проспать бы!

Он вышел во двор, потом вернулся обратно в горницу, сел... душа была не на месте. Сходить, что ли, на Озерную улицу, навестить Астру? Узнать, все ли в порядке? Хотя... с какой стати? Что с ней может случиться? Она его, пожалуй, на смех поднимет... и поделом.

Карелин все же оделся, запер дверь и пошел прогуляться. Листья шуршали под ногами, смеркалось. Шел он, шел и оказался у того самого дома с флюгером на крыше, про который говорил дед Прохор, – грубо вырезанный из жести флажок указывал направление ветра.

Забор у дома покосился, калитка не закрывалась. Во дворе к Матвею подбежал рыжий пес с обвислыми ушами, на его лай вышла на крыльцо сгорбленная старуха в телогрейке и сером шерстяном платке. Она была глуховата.

Старуха провела его через запущенную веранду с битыми стеклами в сумрачную комнату, где стоял запах дыма и теста.

– Зойка! Зойка! – позвала она, и в дверях появилась тоненькая беленькая девушка лет шестнадцати, в свитере и брюках.

– Бабушка плохо слышит, – объяснила она. – Говорите со мной. Только в школу я все равно ходить не буду! Не заставляйте!

– А как на это смотрят твои родители? – осторожно прощупывал почву Матвей.

– Я сирота! – девчушка вызывающе задрала острый подбородок. – Отца не помню, а мама... умерла. У нее было больное сердце. Разве вам не сказали?

Ее голосок дрогнул, и Матвею стало неловко. Зря он сюда пришел. Но не отступать же теперь?

– Собственно, я не по поводу школы. Я по поводу твоей старшей сестры.

– Мы в полицию не заявляли! – ошетинилась девушка.

«Раз она приняла меня за сотрудника полиции, пусть так и думает, – решил он. – Там видно будет».

– Другие заявили, – неопределенно выразился он и замолчал, ожидая ее реакции.

По сути дела, он даже не знал, какие вопросы задавать. И вообще, какого черта он явился сюда беспокоить этих людей? Что ему от них нужно?

Он не извинился за непрошенное вторжение и не ушел, а стоял, глядя то на бабуку, то на внучку. Старуха напряженно прислушивалась, теребила натруженными руками края фартука. Пауза затягивалась.

– Кто заявил? – не выдержала Зойка. – Баронесса, что ли? Эльза к ней в пожизненное рабство не нанималась! Хотела – работала, не захотела – ушла. У нас свобода, между прочим. Я так и сказала этому Тихону, садовнику!

– К вам приходил Тихон?

– Ну да! Немка его присылала два раза. Где, мол, Эльза? Почему не выходит на работу? Не хочет и не выходит! Не обязана!

– Могу я поговорить с твоей сестрой? – мягко спросил Матвей. – Желательно, чтобы она сама прояснила ситуацию.

– Какую еще ситуацию? Что этой буржуйке от нас надо? – взорвалась девушка. По ее бледному личику пошли красные пятна. – Небось придумала, будто Эльза ее обокрала? Они все так делают. Человек на них работает, спину гнет, а когда приходит время платить деньги, они от жадности удавиться готовы!

– Баронесса задолжала вашей сестре?

Зойка смутилась, отвела светло-голубые глаза. При всей неуклюжести, угловатости и худобе в ней уже угадывалась будущая красавица. Можно догадаться, что и Эльза весьма недурна собой.

– Нет! – с неохотой признала она. – Это я так, от злости. Платила она исправно, сестра не жаловалась.

– Может быть, у Эльзы есть какие-нибудь претензии к бывшей хозяйке?

– Никаких, – слишком поспешно ответила Зойка. – Только пусть оставит нас в покое.

Старуха, как заведенная, кивала головой, будто понимала, о чем идет речь. Ее глаза ничего не выражали, а изуродованные подагрой пальцы перебирали и перебирали края фартука. «Вряд ли она способна соображать здраво, – подумал Матвей. – Выходит, Зойка – пока единственный источник информации. Но что я хочу узнать у нее? Жива ли ее сестра? Судя по всему, нет причин считать ее мертвой. Значит, и Астре ничего не грозит. Я могу с чистой совестью уезжать в Москву».

Но что-то продолжало его удерживать.

– Баронесса каким-либо образом докучает вам?

– Не очень, – пожала тощими плечиками Зойка, и старуха опять кивнула, как бы подтверждая ее слова. – Просто нам надоело, что все лезут в нашу жизнь! То учителя ходят, то Тихон... теперь вы явились... из полиции. Этого еще не хватало! Мы не преступники.

– Конечно, нет, – примирительно улыбнулся Матвей. – Я хочу кое-что уточнить у твоей сестры Эльзы, вот и все.

– Разговор окончен. До свидания! А лучше – прощайте! – Зойка демонстративно отвернулась и скрылась в другой комнате.

Старуха кивнула, повела гостя к выходу, постояла на крыльце, пока он не вышел за калитку.

Уже шагая по улице мимо дома с флюгером, Матвей боковым зрением заметил в окне Зойкино лицо. Она провожала его недобрый взглядом...

Москва

Господин Ельцов прошел мимо секретарши не поздоровавшись, черный, как туча. Хлопнула дверь в кабинет. Шеф явно не в духе. С женой поругался? Или возникли проблемы с бизнесом?

Глория – секретарша Ельцова – регулярно прикладывалась к бутылочке с валериановыми каплями. Она разводилась с мужем, который мучил ее своей ревностью. Как многие женщины в ее положении, она обижалась на судьбу и считала свою жизнь разбитой. Вдребезги! После такого разочарования она уже не сможет довериться ни одному мужчине и тем более жить с ним под одной крышей. Законный брак не принес ей того, о чем она мечтала. Любовь обернулась настоящей пыткой! Ревнивый супруг не только ограничивал Глорию на каждом шагу, но и поднимал на нее руку. Потом он, разумеется, каялся, умолял простить его, клятвенно заверял, что больше такого себе не позволит... и недели две, иногда месяц держался – до очередного скандала.

– Не бьет, значит, не любит! – говорила свекровь, оправдывая поведение своего сына.

– Потерпи, дочка, – советовала мама. – С возрастом он остепенится, успокоится. Сейчас молодежь вся такая. Твой хоть не пьет и хорошие деньги в дом приносит. А у других и того нету! Погляди вокруг, на подружек своих, на соседок. С мямлей жизнь тоже не сахар.

Глория начинала с университетского конкурса красоты, легко победила, попытала удачи в модельных агентствах, правда, подиум не принес ей ни денег, ни славы. Защитив диплом, она долго искала работу, пока не устроилась в страховую компанию «Юстина», возглавляемую Ельцовым.

Новая сотрудница грамотно и быстро печатала, отлично разбиралась в компьютере, знала английский и обладала уникальной памятью на лица. Стоило ей один раз увидеть клиента, и она запоминала его внешность, имя и фамилию. К тому же девушка была хороша собой, умела вести светскую беседу, готовить крепкий кофе, сервировать стол... в общем, господин Ельцов остался доволен. В его привычки не входило ухаживать за молодыми сотрудницами, так что отношения у них складывались деловые, основанные на взаимной симпатии.

И тут Глорию угораздило выйти замуж. Именно *угораздило*, иного слова она подобрать не могла. С будущим мужем Вадимом они совершенно случайно познакомились в одном из модных московских клубов. Позапрошлой осенью фирма «Юстина» в качестве поощрения закупила для некоторых сотрудников билеты на ночное развлечение – нечто вроде костюмированного бала в духе заграничного Хэллоуина. Как раз тридцать первого октября. Глория взяла напрокат костюм летучей мыши и отправилась получать *острые ощущения*.

Вадим, облаченный в одеяние средневекового чернокнижника, сразу обратил на нее внимание. Они вместе хихикали над многочисленными Фредди Крюгерами, утопленницами и Дракулами, пили водку с томатным соком, красное вино, танцевали и до утра бродили по улицам, пугая редких прохожих. На следующий день Вадим позвонил и предложил встретиться – так завязался их скоротечный роман. Глория не успела рассмотреть в женихе отчаянного ревнивца: молодые люди, увлеченные друг другом, не склонны замечать недостатки, отдавая предпочтение достоинствам.

Вадим обладал изощренной фантазией, умудряясь приревновать жену чуть ли не к каждому водителю троллейбуса, в котором та ехала на работу. Он подозревал ее в заигрывании с любым мужчиной, кем бы тот ни был – от официанта до сантехника, не говоря уже о друзьях и соседях. А уж в том, что жена уступает сексуальным домогательствам своего шефа господина Ельцова, он был уверен. И эту его уверенность не могли поколебать никакие оправдания и доводы.

Вадим начинал закипать с самого утра, глядя, как Глория причесывается, одевается, накладывает макияж...

– Куда ты так выражаешься? – раздувая ноздри, спрашивал он. – Секретарша не должна выглядеть шлюхой! Я не понимаю, чем ты там занимаешься?

Она плакала, уверяла мужа в своей любви и верности, пока не убедилась, что слова бесполезны. Вадим ничего не желал слушать. Он требовал, чтобы она немедленно уволилась с работы и посвятила себя домашнему хозяйству. С каждым днем он становился все агрессивнее.

– Все, что я хочу, – это иметь жену, которая спит только со мной! – вопил он. – Я достаточно зарабатываю, а женщина должна вить гнездышко, заботиться о домашнем очаге, а не вертеть хвостом и строить глазки другим мужчинам! Разве я в чем-нибудь тебе отказываю? Тебе чего-нибудь не хватает? Так скажи! Давай обсудим твои проблемы.

«Мне не надо было выходить за тебя замуж», – хотела сказать Глория. Но не решалась.

Наконец ее терпение лопнуло, и она подала на развод. Из квартиры Вадима пришлось уйти, временно поселиться у подруги.

– Босс у себя? – спросил главный менеджер, отвлекая секретаршу от грустных мыслей.

Все в офисе знали о предстоящей свадьбе Астры Ельцовой и Захара Иваницына, поэтому он на правах будущего зятя пользовался всяческими привилегиями. Например, входить к Юрию Тимофеевичу в любое время и без доклада.

Как ни была расстроена Глория, женское любопытство взяло верх – красавчик Иваницын, явно не в себе, пулей влетел к шефу... и оттуда раздались взволнованные голоса. Мужчины разговаривали на повышенных тонах, с чего бы это? Она соскользнула с кресла и прильнула ухом к двери в кабинет.

Невеста сбежала – это единственное, что ей удалось расслышать...

Глава 9

Камышин

Астра на удивление быстро осваивала новую роль. С бытовой техникой она управлялась умело: у них в доме было полно такой же. Стиральная и посудомоечная машины, пылесос, кухонный комбайн, тостер, микроволновка – ничего сложного. Больше всего ее пугала кулинария, но и это получалось без особых усилий. Не боги горшки обжигают! В еде хозяйка была неприхотлива, стерильной чистоты не требовала, не придиралась по пустякам, не приставала с разговорами и поучениями.

Астра виделась с ней за завтраком, полдником, обедом и ужином, остальное время баронесса проводила либо у себя в комнате, либо в библиотеке, либо на открытой террасе мансардного этажа, сидя в кресле и любуясь осенним садом. Ида Вильгельмовна не тяготилась уединением, а скорее искала его. Они присматривались друг к другу – госпожа Гримм и ее компаньонка.

Баронесса, с ее пышной высокой прической, маленькими черными глазками-угольками и носом с горбинкой, напоминала злую волшебницу. На шее она носила странный кулон в виде ключа. Вечерами хозяйка грелась у камина, и багровые отблески пламени делали ее лицо страшным.

– Составьте мне компанию, – просила она, когда молодая женщина приносила в каминный зал поднос с кофе и печеньем. – Люблю огонь. Он великолепен в своей ненасытности! Но вместе с тем ему не жаль своего тепла. Он щедр... и щедр бескорыстно.

Уже третью ночь Астру мучила бессонница: в голову лезли самые невероятные мысли насчет госпожи Гримм и ее образа жизни. Что заставило ее поселиться в глухом Камышине? Она ничего не делает... и в то же время в ее существовании заключен какой-то скрытый смысл. Она словно ждет чего-то, прислушивается... пытается уловить не то какой-нибудь намек, не то чьи-нибудь шаги. Она изображает спокойствие, хотя сама натянута как струна.

Ночью две женщины оставались в коттедже одни. Тихон спал в летней кухне, иногда уходил ночевать в поселок, в свою «избушку», как он называл дом, доставшийся ему от родителей. Собаки во дворе не было – хозяйка не выносила лая.

– Здесь тихо, – объяснила она Астре. – На нашей улице ни разу не было случая, чтобы кого-то обокрали. Соседи – приличные люди. Если завести пса, он будет гавкать на каждую кошку, пробегающую мимо забора. Хватит того, что соседские собаки поднимают шум по любому поводу! У меня чуткий сон – я просыпаюсь от ветра, который гудит в дымоходе, и наутро встаю уставшая, измученная. Никаких собак!

Хотя дверь казалась надежной, а на окнах стояли решетки, Астра по ночам вздрагивала от малейшего шороха. Однажды она не выдержала, встала и отправилась посмотреть, откуда раздается заунывный скрип – будто приоткрывается и закрывается дверь на несмазанных петлях. В спальне баронессы горел свет. Астра на цыпочках проскользнула мимо... остановилась и вернулась. За дверью кто-то разговаривал женским голосом. Ида Вильгельмовна? Она бормочет во сне? Но какой же сон при включенном свете?

Осторожно, стараясь не дышать, компаньонка взялась за ручку двери и потянула на себя. В образовавшуюся узкую щель она увидела баронессу в шелковом пеньюаре, та сидела перед зеркалом и с кем-то беседовала. Астра поспешно закрыла дверь, боясь, что ее заметят. Тогда увольнения не избежать! Подсматривать и подслушивать – последнее дело. Ее воспитывали интеллигентные люди, сумевшие привить уважение к чужим секретам.

«Собственно, чему удивляться? – подумала она, направляясь дальше по коридору к источнику подозрительных звуков. – Хозяйка никуда не ходит, и к ней гости не заглядывают.

Во всяком случае, она меня предупредила, что визиты ей наносят крайне редко. С кем же ей разговаривать, как не самой с собой?»

Астра добралась до кухни и выяснила, что неприятный скрип издает дверь в кладовую, которую забыли плотно прикрыть, – по дому гуляли сквозняки.

«Надо сказать Тихону, чтобы смазал петли и проверил, откуда дует», – отметила она про себя.

Возвращаясь обратно в свою комнату, Астра увидела, что в спальне хозяйки все еще горит свет, правда, на сей раз за дверью было тихо.

Новая компаньонка улеглась на свой диван, укуталась одеялом и закрыла глаза. Сон не шел. В голове роились мысли о тайнике, обнаруженном ею в стене комнаты. Интересно, знала о нем Ида Вильгельмовна или нет? Если дом строили для нее, то, скорее всего, знала.

К большому разочарованию Астры, тайник оказался пуст: в нем ничего не было, кроме какого-то засохшего корня, завернутого в красный шелковый лоскуток, и флэшек с весьма странным содержанием.

Она решила поговорить с Тихоном – возможно, тот что-нибудь видел или слышал.

Сторож с утра до вечера возился во дворе и в саду, мастерил что-нибудь или помогал по хозяйству. Астра заметила, что он любит выпить. На эту его страстишку и можно сделать ставку.

Вечером, когда баронесса удалилась к себе, она пригласила сторожа поужинать. Накрыла стол, достала из хозяйских запасов бутылку водки.

Тихон расцвел от удовольствия. Эльза его не жаловала, ужином не угощала, а новая стряпуха не брезгует простым работягой, сама наливает, чокается. Зря он ее невзлюбил поначалу! Это все из-за Эльзы: та вела себя надменно, будто барыня. А сама-то – голь перекатная! Разговоры с хозяйкой ее испортили: возомнила себя чуть ли не ровней госпоже Гримм, стала на всех свысока поглядывать да усмехаться презрительно. Забыла, как бегала без порток, гусей пасла...

После третьей рюмки Тихон порозовел, обмяк и созрел для душевной беседы.

– Вкусно готовишь! – похвалил он Астру. – И не гордая. Ох, и не люблю я гордых! Гордыня-то до добра не доводит.

– Мне еще учиться и учиться, – скромно потупилась она. – Прежняя кухарка, наверное, баловала вас разными французскими блюдами?

– Какое там, – махнул рукой Тихон. – У Эльзы сначала все подгорало, только продукты переводила. А сколько она всего переломала! То машину стиральную порешила, то комбайн угробила! Пылесос я два раза в починку возил. И как хозяйка ее терпела, ума не приложу? С другой стороны, понять можно: в прислуги никто не рвется, все норовят сами господами заделаться. Едут, кто в Москву, кто за границу... вроде там их сразу директорами возьмут! Та же прислуга, только подальше от знакомых глаз, чтобы люди не обсуждали. Поэтому госпожа Гримм и не выгоняла Эльзу. Пойди найди другую-то! Сколько я бумажек этих расклеивал на заборах, не перечесать, а, кроме тебя, никто не откликнулся. Ты, видать, не здешняя?

– Я издалека приехала, – кивнула Астра, не вдаваясь в подробности.

– То-то! – Тихон поднял вверх указательный палец, черный от постоянной возни в земле. – Потому и не стыдно тебе, что друзья твои и родня ведать не ведают, чем ты занимаешься.

– Значит, Эльза сама уволилась? Не хотела быть в услужении?

Тихон открыл было рот, замешкался... и потянулся к бутылке.

– Не в том дело... – пробормотал он.

Продолжения не последовало. Астра не рискнула повторить вопрос и перешла на другую тему:

– Хороший дом! Чувствуется основательность, оригинальный вкус.

– Это первый хозяин постарался, Крымов, – радостно подхватил сторож. – Правильный мужик! Охоту любил, рыбалку...

– Он что, умер?

– Спаси боже! У него здоровья на троих хватит. Жена у него болела, а здесь какие врачи? И больница плохонькая. Поэтому они дом продали, а сами перебрались поближе к городу. Ну, если в случае чего... чтобы медицина была под боком, клиники разные, в которых за деньги лечат.

– Значит, Ида Вильгельмовна – вторая владелица? – уточнила Астра.

– Ага!

– А в моей комнате кто жил? Эльза?

– Что ты заладила?! – рассердился Тихон. – Пойду я! Спасибо за ужин... за разговор. Мне пора, скоро фильм по телику начнется. Заболтался я с тобой!

Он ушел. Астра убирала со стола, складывала посуду в машину и думала: почему сторож не захотел говорить об Эльзе?

Москва

Юрий Тимофеевич доверял своему начальнику охраны. Борисов работал с ним не первый год и зарекомендовал себя как отличный профессионал и порядочный человек, на которого можно положиться. Поиски дочери Ельцов мог поручить только ему.

– Поаккуратней, Коля, – попросил он. – Сам понимаешь, мне лишний шум ни к чему. Не люблю я сор из избы выносить! И Астру позорить не хочу. Пойдет худая слава, не отмоешься. Женщине, особенно молодой, следует беречь репутацию, ведь вся жизнь впереди. Люди как-то умеют вопросы решать спокойно, без скандальной огласки. Ну, зачем ей было из дому уходить? Жена день и ночь слезы льет, опухла вся, вчера сердечный приступ был, пришлось врача привозить. Куда это годится?

– Выходит, свадьба отменяется?

Господин Ельцов забористо выругался, что он позволял себе крайне редко.

– Если бы я знал?! Отменяется, не отменяется... Разве можно ставить нас с Лёлей в такое дурацкое положение? Половине гостей уже разослали приглашения... Что теперь прикажешь делать, давать отбой? А вдруг дочь явится как ни в чем не бывало и закатит истерику? Где, мол, белое платье, где жених, где свадебное угощение? По сути, Астра нам не сказала, что передумала выходить замуж. Она просто... решила перед венчанием побыть в уединении, внутренне подготовиться к семейной жизни.

Последнюю фразу Юрий Тимофеевич произнес с нескрываемым сарказмом.

– А что жених говорит? – спросил Борисов. – Её она тоже не поставила в известность, куда уезжает, на сколько, когда вернется?

– Представь себе, нет. Во всяком случае, Захар так утверждает. Пусть он со своей стороны ищет, а мы со своей.

– Вы уверены, что Иваницын – подходящая партия для вашей дочери?

– Раньше сомневался, но не вмешивался в их отношения. А теперь не знаю! Ты посмотри, что моя дочурка вытворяет? Ни один уважающий себя мужик таких выкрутасов терпеть не станет. А Захар будет помалкивать, потому что целиком и полностью от меня зависит. Я его босс, я плачу ему деньги, и, став мужем Астры, в будущем он унаследует мой бизнес... или то, что от него останется. Жизнь порой преподносит такие сюрпризы, что диву даешься! Но со мной у Захара есть шанс, а без меня... увы, ему ничего не светит, кроме карьеры вечного менеджера. Парень он неглупый, исполнительный, но нет у него коммерческой жилки, огонька, без которого капитал не сколотишь.

– Да, странно, – вздохнул начальник охраны. – Астра с Захаром со школьной скамьи встречаются, должны бы привыкнуть друг к другу. Между ними ничего не произошло? Может,

поссорились, разругались? Она и вспылила, решила проучить жениха, чтобы впредь неповадно было.

– Он все отрицает, а ее я спросить не могу! – сокрушенно развел руками Ельцов. – Мы с Лёлей на тебя надеемся, Николай Семеныч. Отыщи нашу блудную дочь и доставь домой. Если придется применить силу, я даю добро. Только чтобы все было шито-крыто.

Борисов начал поиски с ближайшего окружения Астры – ее закадычных подружек: Лены Бровкиной и Марины Степновой. У Бровкиной от жгучего любопытства даже дыхание перехватило: она сама была не прочь выудить у посетителя какую-нибудь «клубничку». Разве Астра не готовится к свадьбе?

– Я думала, она так занята, что даже трубку не берет! – покраснелась Лена. – Я звонила ей несколько раз и на домашний, и на мобильный, – замирая от предвкушения *скандала*, тараторила подруга. – Лилиана Сергеевна все время отвечает, что Астра то в магазин уехала, то в косметический салон, то мебель выбирать для новой квартиры. Сотовый вообще молчит! Я решила, Астра номер поменяла.

– Она ни разу не обмолвилась, куда собирается ехать? – спросил Борисов. – Не называла адрес? Не говорила о каком-нибудь монастыре, например? Ну, что хочет покаяться, душу очистить?

– Нет... Монастырь? Это на нее не похоже. Она не настолько верующая, чтобы... хотя не знаю. Все может быть. Одна моя знакомая перед свадьбой в Индию отправилась, за благословением какого-то *гуру*. В буддизм ударились, во всякие восточные практики. Сейчас чего только не услышишь! Знаменитые артисты, известные люди в секты уходят, в религию, в разные *тайные общества*. Это модно.

Разумеется, Лена дала слово помалкивать об этом разговоре. Она все понимает!

Марину Степнову Борисов дома не застал и поехал к ней на работу, в стоматологический центр «Классик», но оказалось, что и там Марины нет.

– Она взяла отпуск за свой счет, – объяснила девушка в регистратуре. – На несколько дней, по семейным обстоятельствам.

Борисов насторожился. Астры нет, Марины тоже нет – существует ли связь между двумя этими фактами? Нужно выяснить без промедления.

Поколебавшись, он отважился нарушить закон – проникнуть в частное жилище без разрешения хозяйки. Возможно, там обнаружатся какие-нибудь записи на автоответчике, в блокноте Марины, наконец, письмо или записка от Астры, которые помогут догадаться, где она скрывается.

Ему было известно, что Степнова проживает в квартире одна, и, дождавшись удобного момента, он снова пришел к ее двери: сигнализации нет, замки без всяких хитростей. Борисов позвонил раз, другой – тишина. Тогда он воспользовался превосходным набором отмычек и через минуту оказался в тесной прихожей, оклеенной полосатыми обоями.

Хозяйка, вопреки ожиданиям, находилась дома. Ее мертвое тело лежало в ванной комнате в интересной позе: ноги и нижняя часть туловища – на полу, а голова опущена вниз, в воду. Как будто Марина встала на колени, сильно перегнулась через край ванны, и... захлебнулась? Бывает и такое – внезапный сердечный приступ, например, или глубокий обморок. Если на судьбе написано, утонуть можно и в луже.

Вода в ванне набралась сантиметров на тридцать-сорок, кран был закрыт, шторка небрежно скручена. Что здесь произошло?

Борисов, осторожно прикасаясь к труп, внимательно осмотрел его, хмыкнул, отправился в гостиную, служившую одновременно и спальней. Повсюду царил полнейший разгром.

– Господи! – прошептал он. – Этого еще мне не хватало!

Теперь его пребывание в квартире Степновой могло стать источником крупных неприятностей. Однако, раз уж он здесь, следует делать то, за чем пришел.

Борисов наскоро обыскал квартиру – никаких следов Астры или намеков, где она может быть. Зря он сюда полез! Но ему и в голову не приходило, что Марина мертва. Зато он наткнулся на кое-что другое...

– Интересная картина получается!

Находка заставила Борисова задуматься. Перед уходом он тщательно протер все, к чему прикасался, и не только. Затем, приняв меры предосторожности, выскользнул из квартиры. Вот так поворот! Надо срочно доложить боссу.

Юрий Тимофеевич выслушал начальника охраны молча, побагровел, покрылся потом и вытащил носовой платок – промокнуть лицо.

– Она сама умерла или ее...

– Убита. Висок проломлен тяжелым предметом, предположительно мраморным подсвечником, который валяется в комнате на ковре. На лице есть синяк, но он, полагаю, появился до гибели Марины. Ее сначала ударили, а потом убили. Уже бездыханное тело поволокли в ванную и опустили головой в воду.

– Зачем?

– Трудно сказать. Возможно, убийца был не уверен в смерти жертвы и решил утопить ее, чтобы не ожила. Я все осмотрел мельком: меня другое интересовало, поэтому больше ничего добавить не могу.

– Когда это произошло?

– Дня два-три назад. Я не эксперт.

– Кто же ее так?

Борисов пожал плечами:

– Не мешало бы в полицию сообщить, анонимно.

– Не смей этого делать! – нервно возразил Ельцов. – Вдруг ее смерть имеет какое-то отношение к Астре?

– Рано или поздно тело обнаружат и начнется расследование.

– Пусть соседи сообщают или родственники. Кто-то же должен спохватиться? Кажется, Марина не ладит с матерью, они почти перестали общаться. Но, наверное, они все-таки созванивались.

– Я навел справки. Мать Степновой второй раз вышла замуж, Марина невзлюбила отчима, они постоянно ссорились, пришлось разъехаться. Трехкомнатную квартиру обменяли на две однокомнатные с доплатой. С тех пор мать и дочь стали чужими, видеть друг друга не могли.

– Оперативно! – пробормотал Ельцов, поглощенный какой-то мыслью. – Вижу, ты времени даром не терял.

– Стараюсь. Дело-то серьезное.

– Ты... что? Ты... Астру подозреваешь?

Начальник охраны отвел глаза.

– Я – нет, а вот ребята из убойного отдела могут заподозрить. И то, что ваша дочь в бегах, только укрепит их подозрения.

– В каких *бегах*? Что ты несешь?

Ему стало нехорошо. Борисов высказал то, о чем он сам подумал, холодея от ужасной догадки.

– Вот это я нашел в квартире Марины, – добавил тот, выкладывая на стол фотографию Степновой в обнимку с Иваницыным. – Завалилась между книгами. Там все перевернуто вверх дном! Убийца что-то искал.

– Что именно?

– Откуда мне знать? Может, деньги или ценности. Хотя на ограбление не похоже. На трупе остались серьги золотые, цепочка, кольцо... Дверь преступнику открыла сама

хозяйка: следов взлома нет. И вот еще что: кто-то, уходя, закрыл дверь на ключ. Там стоят замки, которые не захлопываются, а дверь была заперта. Либо убийца имел свои ключи от квартиры Степной, либо воспользовался ее ключами после того, как расправился с ней. Я бы остановился на втором варианте.

– Почему?

– Сумочку убитой выпотрошили: ее содержимое рассыпано по полу, ключей нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.